

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГРОСИСТЕМЫ : экономика и социология

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Главный редактор:

Анфиногентова А.А., академик РАН, д.э.н.

Редакционная коллегия:

- Коростелев В.Г., к.э.н., доц. (заместитель главного редактора);
- Осовин М.Н., к.э.н. (ответственный секретарь).

Экспертный совет журнала: Андрущенко С.А., д.э.н.,

Великий П.П., д.филос.н., Шабанов В.Л., д.социол.н.,

Рубцова В.Н., д.э.н., Ермолова О.В., д.э.н.,

Решетникова Е.Г., д.э.н., Яковенко Н.А., д.э.н.,

Кирсанов В.В., к.э.н., Коростелев В.Г., к.э.н.,

Вяльшина А.А., к.социол.н.

В журнале публикуются материалы по наиболее актуальным проблемам развития агропродовольственного комплекса, теории аграрных отношений, обеспечения продовольственной безопасности, социологии села и экологии. Приветствуются междисциплинарные разработки и экономические исследования, использующие современные методы математического моделирования.

Базовая тематика издания соответствует разделу перечня специальностей научных работников - 5.2.3 Региональная отраслевая экономика

Перечень научных направлений публикаций издания может корректироваться, не выходя за рамки социально-экономической проблематики развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий.

Издание предназначено для специалистов в области АПК и сельского хозяйства, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и др.

Информация о правилах оформления и направления материалов для публикации - <http://iagpran.ru/page.php?al=information>

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС77-83382
от 03.06.2022 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».
№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес учредителя:
410028, г. Саратов,
ул. Рабочая, д. 24

Редакция:
Институт аграрных
проблем – обособленное
структурное
подразделение
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес редакции:
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Решетникова Е.Г., д.э.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-5-

TRENDS AND PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF FOOD RETAIL TRADE

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В АГРОБИЗНЕСЕ

Винокурова О.А., старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Арктический государственный агротехнологический университет»

-13-

PROBLEMS OF CORPORATE CULTURE FORMATION IN AGRIBUSINESS

Vinokurova O.A., senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution «Arctic State Agrotechnological University»

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ ВЫБОРА ВЕРСИЙ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Великий П.П., д.филос.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-21-

THE SPACE OF FREEDOM TO CHOOSE VERSIONS OF EMPLOYMENT FOR RURAL RESIDENTS

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗМЕЩЕНИЮ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЕЛЬСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ

Рубцова В.Н., д.э.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-28-

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE LOCATION OF MEDICAL ORGANIZATIONS IN RURAL AGGLOMERATIONS

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Вяльшина А.А., к.социол.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-38-

SUBSTANTIATION OF SOCIAL PARAMETERS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES UNDER CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy

ОТНОШЕНИЕ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Былина С.Г., к.э.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-50-

ATTITUDE OF RURAL SCHOOL STUDENTS AND TEACHERS TOWARDS THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Bylina S.G., candidate of economics Sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК»: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Фисенко Н.А., к.э.н., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-59-

APPLICATION OF THE INPUT-OUTPUT SCIENTIFIC METHOD: STRUCTURAL-THEMATIC ANALYSIS OF FOREIGN PUBLICATIONS

Fisenko N.A., candidate of economics Sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ПОПОЛНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Дакирова С.Т., м.н.с., Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

-66-

ASSESSING THE PROSPECTS FOR REPLENISHING THE VILLAGE POPULATION WITH URBAN YOUTH

Dakirova S.T., younger researcher, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 5-12.

Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 5-12.

Научная статья

УДК 330.88

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Елена Геннадиевна Решетникова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, elenares2708@mail.ru

Аннотация. В статье показаны тенденции развития розничной торговли продовольствием в условиях высокой продовольственной инфляции, значительной дифференциации доходов населения, трансформации структуры потребительских расходов домохозяйств. Подробно рассмотрены региональные особенности функционирования розничной торговли продовольственными товарами. Показана актуальность ряда институциональных мер в сфере социальной политики и торговли продовольствием для приближения важнейших параметров продовольственной безопасности к оптимальным значениям.

Ключевые слова: продовольственная инфляция, структура потребительских расходов, розничный товарооборот, региональные особенности макроструктуры спроса, реальные располагаемые доходы населения, торговые сети, маркетплейсы.

Для цитирования: Решетникова Е.Г. Тенденции и проблемы развития розничной торговли продовольствием // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С 5-12.

Original article

TRENDS AND PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF FOOD RETAIL TRADE

Elena G. Reshetnikova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia.

Abstract. The article examines the development trends of food retail trade under conditions of high food inflation, significant income differentiation among the population, and the transformation of household consumer expenditure structure. Regional features of the functioning of food retail trade are considered in detail. The relevance of a number of institutional measures in the fields of social policy and food trade is demonstrated as a means of bringing key food security parameters closer to their optimal values.

Keywords: food inflation, consumer expenditure structure, retail trade turnover, regional features of the macro-structure of demand, real disposable income of the population, retail chains, marketplaces.

For citation: Reshetnikova E.G. Trends and problems in the development of food retail trade. Regional Agrosystems: Economics and Sociology. 2026;(3):5-12. (In Russ)

Введение

В достижении конечной цели функционирования агропродовольственного комплекса – удовлетворения базовых потребностей населения в продуктах питания для обеспечения здорового и активного образа жизни – важную роль играет розничная торговля продовольственными товарами. Относясь к третьей сфере агропродовольственного комплекса, она в постепенно меняющихся и совершенствующихся формах доводит конечную продукцию агропродовольственной сферы до потребителя, реализуя на практике основные задачи продовольственной безопасности [1]. Показатель оборота розничной торговли принято трактовать как объем реализованного спроса населения. Макроструктура розничного товарооборота, являясь относительным показателем, зависит от ряда факторов и может свидетельствовать о зарождении как позитивных, так и негативных тенденций в потребительской и продовольственной сферах [2]. Определяющим фактором формирования макроструктуры спроса является уровень реальных располагаемых доходов населения, вектор продовольственной инфляции [3]. В условиях снижения реальных доходов населения происходит увеличение доли пищевых товаров в структуре розничного товарооборота [4]. Поскольку потребности в питании являются первоочередными насущными потребностями, в ситуации возникающего дефицита финансовых возможностей и необходимости потребительского выбора, домохозяйства, прежде всего, направляют денежные средства на поддержание сложившейся модели питания [5]. Таким образом, повышение цен, в том числе на продовольственные товары является главной причиной изменения макроструктуры спроса, а именно доли пищевых продуктов в обороте розничной торговли в сторону повышения. В данной ситуации сложности испытывает сектор непродовольственных товаров и услуг, которые проявляются в снижении объема массового внутреннего спроса населения и закрытии многих мелких предприятий малого бизнеса [6]. Таким образом, в условиях ограниченности денежных ресурсов инструментом достижения экономической доступности продовольствия становится асимметрия структуры потребления, снижение платежеспособного спроса на непродовольственные товары и услуги [7].

Особенностью переформатирования современного ритейла является закрытие магазинов одежды и обуви в торговых центрах. Так, в третьем квартале 2025 года на долю фэшн-ритейла пришлось 45% всех закрытых офлайн-торговых точек в РФ [8]. По мнению аналитиков, многие начатые проекты в данной сфере в последние годы не окупались, наблюдается перемещение покупателей в Интернет-магазины. Большую роль в данном процессе сыграли и налоговые изменения, наступившие в 2026 году. В основном закрываются брендовые магазины, поскольку подход у потребителей к покупкам становится более рациональным.

В продовольственном сегменте в условиях высокой продовольственной инфляции также преобладает экономичная модель потребления, хотя остается определенный сегмент потребителей, интересующихся экологичностью состава продуктов. Большинство же покупателей отдают предпочтение экономичным форматам торговли, а именно мягким и жестким дискаунтерам [9]. На рост цен на продовольственную продукцию влияет целый комплекс факторов: от макроэкономической нестабильности (проблема с нехваткой трудовых ресурсов, рост кредиторской задолженности, высокая ключевая ставка) до таких институциональных моментов как ведение акциза на сахаросодержащие напитки, реализация проекта маркировки и экологические обязательства, изменение логистики поставок и смена поставщиков [3]. Можно констатировать, что современная розничная торговля продовольствием находится в стадии активной трансформации с целью наиболее полной адаптации к вызовам сегодняшнего дня.

Цель исследования – оценить состояние национального и региональных продовольственных рынков в течение двадцати пяти лет. Показать, как вызовы внешней среды отражались на структуре платежеспособного спроса населения, удовлетворении потребностей в продуктах питания. Выявить основные тенденции изменения процесса формирования сферы потребления продовольствия в условиях глобальных вызовов внешней среды.

Методика исследования

Исследование особенностей и проблем функционирования розничной торговли продовольствием в условиях внутренних рисков и неопределенности внешней среды осуществлялось на основе таких теоретических методов научного исследования, как: анализ и синтез, обобщение, с использованием монографического и абстрактно-логического методов, а также метода группировок.

Результаты исследования

Важным индикатором сбалансированности и благополучия агропродовольственной сферы является экономическая доступность основных продуктов питания, то есть возможность приобретения продовольствия в необходимом объеме и должного качества в соответствии с научными нормами рационального питания [10]. В системе показателей, характеризующих состояние экономической доступности продовольствия, большое место занимает макроструктура спроса, то есть соотношение долей приобретенных продовольственных и непродовольственных товаров в общем объеме оборота розничной торговли [3]. Этот индикатор активно применяется и в практической деятельности аналитиками и ритейлерами для планирования и прогнозирования спроса и соответствующего ассортимента, оценки состояния рынка, мониторинга основных параметров продовольственной безопасности и разработки институциональных механизмов регулирования различных сегментов продовольственного рынка. Следует отметить, что в основном низкая доля покупки продовольственных товаров или снижение данного параметра говорит о процессах повышения качества и уровня жизни, росте реальных доходов, оптимизации структуры потребления.

Однако изменения на рынке продовольствия могут быть обусловлены и рядом других факторов, которые оказывают менее сильное воздействие на спрос и структуру торговли, однако учет их важен для понимания тенденций продовольственного рынка, например, фактор повышения интереса к готовой еде, даже при повышении её стоимости и цены. Следует отметить, что в секторе готовой еды действуют два противоположно направленных фактора – удобства и уровня цен. С одной стороны, цена на готовую еду растет и прогнозируется её дальнейшее наращивание. Но спрос на готовую еду не снижается из-за исключительного удобства и экономии времени, из-за возможности снижения транзакционных издержек в условиях высокого ритма больших городов. Это особенно выгодно одиноким людям, число которых в России увеличивается и составляет, например, в столице 52 % [11]. Таким людям часто нецелесообразно готовить еду в небольших объемах, удобнее и экономически выгоднее её заказать, причем если заказ не из ресторана, а из кулинарии, то он может быть достаточно бюджетным по цене. Тенденцией сегодняшнего дня является увеличение предложения готовой еды, как упакованной для длительного хранения, так и разложенной в торговом зале. Востребованным моментом является организация поставок готовой еды в офисы, что более характерно для корпоративного сегмента с высоким уровнем среднедушевого дохода. Низкая доля покупок продовольственных товаров в структуре оборота розничной торговли также может свидетельствовать о значительном натуральном потреблении за счет личного подсобного хозяйства, садов и огородов.

Тем не менее, показатель макроструктуры спроса следует рассматривать в качестве одной из важнейших характеристик уровня жизни населения и необходимого параметра для межрегиональных сравнений. Следует отметить, что изменение удельного веса пищевых продуктов в обороте розничной торговли тесно коррелирует с величиной реальных доходов населения, изменяется в соответствии с первым законом Э. Энгеля [12].

Рассматриваемый показатель в целом в РФ на временном отрезке 2000 - 2017 гг. (таблица 1) имел разнонаправленные тенденции – снизился с 2000 года по 2007 год с 46,5 до 45,0 %, к 2010 году он возрос до 48,5 %, а затем вновь происходило его сокращение. В 2014 году удельный вес пищевых продуктов в общем объеме оборота розничной торговли составил 47,0 %, в 2015 году данный параметр вырос до 48,7 %. Затем наблюдалось его плавное снижение до 47,9 % в 2019 году. Абсолютный максимум за прошедшие четверть века имел место в 2020 году - 49,0 %, что было обусловлено непростой ситуацией в условиях пандемии (таблица 2). В 2025 году рассматриваемый показатель составил 47,6 %. Можно констатиро-

вать, что по сравнению с 2000 годом в настоящее время доля данного относительного показателя возросла на 1 п.п.

Таблица 1 - Динамика удельного веса пищевых продуктов в общем объеме оборота розничной торговли в регионах РФ в 2000 - 2017 гг. (%)

Федеральные округа	2000	2005	2007	2010	2014	2015	2016	2017
РФ	46,5	45,7	45,0	48,5	47,0	48,7	48,6	48,4
Центральный	42,6	43,5	44,8	49,6	48,9	50,3	50,1	50,1
Северо-Западный	49,0	45,6	43,9	47,5	43,6	45,9	45,7	45,1
Южный	47,7	45,9	43,1	46,4	44,6	46,6	46,2	45,9
Северо-Кавказский	48,5	46,8	46,6	46,4	48,3	49,9	50,9	50,4
Приволжский	46,9	44,2	43,1	48,8	46,8	48,2	48,5	48,1
Уральский	51,6	47,7	45,6	50,2	46,0	47,6	47,0	47,6
Сибирский	47,8	47,5	44,4	45,5	45,4	48,0	47,8	47,6
Дальневосточный	53,3	50,8	48,9	50,8	49,7	51,4	51,2	51,1

Источник: составлено автором на основе данных [13]

Таблица 2 - Динамика удельного веса пищевых продуктов в общем объеме оборота розничной торговли в регионах РФ в 2018 - 2025 гг. (%)

Федеральные округа	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
РФ	47,7	47,9	49,0	47,0	49,4	47,8	47,3	47,6
Центральный	49,7	49,8	50,7	47,5	51,1	48,8	48,0	47,2
Северо-Западный	43,4	43,4	44,9	41,9	44,8	43,1	42,8	43,3
Южный	45,4	45,8	46,5	46,3	48,2	47,4	47,4	49,4
Северо-Кавказский	48,6	49,0	51,7	51,3	52,2	51,3	51,5	51,5
Приволжский	47,1	47,4	48,2	47,4	49,3	47,9	47,0	47,3
Уральский	47,1	47,4	47,8	46,3	47,0	46,3	46,1	45,7
Сибирский	46,5	46,9	47,8	46,5	48,2	47,0	46,9	48,7
Дальневосточный	51,1	51,3	53,6	51,8	52,9	52,3	51,9	52,5

Источник: составлено автором на основе данных [13]

Межрегиональные сравнения доли продуктов питания в обороте розничной торговли позволяют оценить различия в уровне и качестве жизни территориальных образований нашей страны [13]. Как свидетельствуют данные таблицы 1, в 2000 году минимальные значения рассматриваемого показателя были характерны для Центрального федерального округа (42,5 %). Во всех остальных округах показатели доли пищевых продуктов в обороте розничной торговли были выше среднероссийского уровня. Максимальное значение отмечалось в Дальневосточном федеральном округе - 53,3 %. Вместе с тем, несмотря на то, что показатели в Центральном федеральном округе в целом были относительно невелики, внутри округа имела место существенная межрегиональная дифференциация макроструктуры спроса. В этот период времени максимальное значение рассматриваемого показателя среди регионов Центрального округа отмечалось в Смоленской области (55,5%), а минимальное - в городе Москве - 40,4 %. В Северо-Западном федеральном округе диапазон данного показателя был следующим – от 40,7 % в Санкт-Петербурге до 67,9 % в Ненецком автономном округе. Для Южного федерального округа был характерен следующая амплитуда значений: от 48,4% в Краснодарском крае до 58 % в Республике Калмыкия. В целом анализируемый показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу был выше среднего уровня (48,5 %). Разброс значений рассматриваемого показателя составил: от 39,5 % в Карачаево-Черкесской Республике до 57 % в Кабардино-Балкарской Республике. В Приволжском федеральном округе минимальное значение удельного веса пищевых продуктов в общем объеме оборота розничной торговли было характерно для Чувашской республики - 49 %, а максимальное для Республики Мордовия - 59,5 %. В Уральском федеральном округе наименьшая величина рассматриваемого показателя была характерна для Курганской области - 51,0 %, а максимальная - для Ямало-Ненецкого автономного округа - 54,6 %. В Сибирском федеральном округе максимальное значение удельного веса пищевых продуктов в общем объеме оборота розничной торговли отмечалось в Республике Хакасия (51,5 %), а минимальное – в Омской области

(46,5%) В Дальневосточном федеральном округе максимальное значение анализируемого параметра имело место в Чукотском автономном округе - 70,7 %, а минимальное – в Республике Саха (Якутия) - 45,7 %.

В 2025 году уже в нескольких федеральных округах отмечались значения ниже среднего по стране (47,6 %), а именно: в Центральном (47,2 %), Северо-Западном (43,3 %), Приволжском (47,3 %) и Уральском (45,7%), что говорит о том, что за прошедшие двадцать пять лет происходило определенное снижение региональных различий в уровне жизни между федеральными округами в целом. Вместе с тем, внутри федеральных округов региональная дифференциация по данному показателю сохранялась. В 2025 году различие между максимальным и минимальным значением рассматриваемого показателя в Центральном округе сократилось с 15,1 до 9,0 п.п., в Северо-Западном – с 27,2 до 17,9 п.п., в Дальневосточном округе – на 12,9 п.п. В других федеральных округах различие по исследуемому параметру усилилось и составило: в Южном -12,4 п.п., в Северо-Кавказском - 3,9 п.п., в Сибирском – 1,6 п.п., в Уральском - 2,7 п.п. Таким образом, внутрирегиональная дифференциация пока не претерпела существенной трансформации.

Особенностью современного этапа развития торговли продовольствием в условиях высокой инфляции является переход в моделях потребления доходных групп среднего достатка от доминирования фактора удобства и экономии времени к усилению значения фактора цены. В последнее время отмечается смещение спроса на продукты питания от магазинов шаговой доступности к более дешевым магазинам – дискаунтерам различных типов. Умеренные дискаунтеры, например, «Чижик», предлагающие товары по ценам ниже рыночных, укрепляют свои позиции в продуктовой розничной торговле, завоевывая часть сегмента таких крупных сетей с более дорогим ассортиментом («Перекресток» и «Вкусвилл»). За счет такой конкуренции ведущие супермаркеты становятся менее склонны к повышению цен на важнейшие продукты питания, и потребители имеют возможность получить более широкий ассортимент бюджетной продукции.

В настоящее время для многих не только низкодоходных групп, но и групп среднего достатка вопрос экономии при покупках является актуальным. В этом случае цена становится важнее удобства. Магазины у дома, бывшие в тренде несколько лет назад и представляющие конкуренцию гипермаркетам, вытесняются дискаунтерами. По мнению специалистов, гипермаркеты, как основной торговый формат, в настоящее время устарели, не отвечают современным вызовам времени. Они расположены далеко от центра, в условиях напряженного трафика их стали вытеснять магазины шаговой доступности, а последних существенно потеснили в последние годы дискаунтеры [14]. Особенностью современной жизни является наращивание количества заказов, реализованных населению через маркетплейсы. В 2022 году оно составило 1754216,6 тыс. ед., а в 2024 году уже 5588379,7 тыс. ед., что больше в 3,2 раза. [15] Однако бурное развитие маркетплейсов пока существенно не затронуло продовольственный сегмент.

Особенностью современной экономической ситуации на потребительском и продовольственном рынке является увеличение денежных средств физических лиц и малого бизнеса, которые выведены в силу разных причин, в том числе и из-за снижения процентов по депозитам, из банков. По данным Центрального банка общий объем наличных денежных средств на руках у населения приближается к 20 триллионам рублей. Только за март-апрель 2026 года в обращение поступило более 0,9 трлн. руб. наличных денег, столько же, сколько за весь предыдущий год [16]. Такой объем, наличной денежной массы создает угрозу резкого увеличения спроса и возникновения сильного давления на рынок, угрозу раскручивания инфляционной спирали.

Увеличение реальных доходов населения непосредственно связано с вопросами роста уровня жизни, снижения региональной социально-экономической дифференциации, обеспечения рационального питания, сбалансированности продовольственного рынка, достижения экономической доступности продовольствия всеми доходными группами населения [17]. В этой сфере достаточно много институциональных аспектов, обсуждаемых научной общественностью и практиками с целью обеспечения экономического и социального равновесия

продовольственного рынка. Так, с 1 февраля 2026 года в РФ увеличился объем более сорока социальных выплат, пособий и компенсаций. Индексация охватила материнский капитал, пособия семьям с детьми, выплаты ветеранам, людям с инвалидностью, федеральным льготникам, безработным и некоторым другим категориям населения. Однако специалисты обратили внимание на то, что страховые пенсии были проиндексированы больше, чем перечисленные социальные выплаты. Это обусловлено разными механизмами индексации. Страховые пенсии индексируются по прогнозируемой инфляции, а социальные выплаты по фактическому индексу потребительских цен за предыдущий год. Специалисты считают, что в данном случае используемые механизмы индексации должны совпадать [18].

Достижение экономической доступности продовольствия всеми доходными группами предполагает проведение комплекса мер по увеличению покупательной способности домохозяйств, особенно малообеспеченных групп населения [19]. Дефицит финансовых возможностей малообеспеченных групп населения, а также часто монопольно высокие цены, ведут к трансформации структуры спроса населения, сокращению внутреннего спроса на непродовольственные товары и услуги. Но сбалансированность продовольственного рынка предполагает динамичное соответствие объема спроса и его товарного покрытия, в противном случае возможен дефицит товаров. Для обеспечения экономического и социального равновесия продовольственного рынка должны быть задействованы как классические рыночные механизмы, так и меры государственного регулирования, в частности, грамотная антимонопольная политика, политика государственной поддержки малого агробизнеса, кооперации и малых форматов торговли для преодоления высоких входных барьеров на продовольственный рынок. Расширение таким образом конкурентной среды продовольственного рынка создает условия для формирования доступных цен на продовольственную продукцию.

Заключение

Значительная роль розничной торговли продовольствием заключается в том, что она является последним звеном процесса доведения конечной продукции агропродовольственного комплекса населению для удовлетворения базовых потребностей в питании. Одним из важнейших индикаторов благополучия в потребительской и продовольственной сферах выступает показатель доли пищевых продуктов в обороте розничной торговли. Увеличение этого показателя, как правило, вызвано сокращением реальных располагаемых доходов населения, характеризует снижение уровня и качества жизни домохозяйств. Проведенный комплексный пространственно-временной анализ макроструктуры спроса показал, что за последние двадцать пять лет имели место колебания величины рассматриваемого показателя, но коренных изменений в его динамике и региональной дифференциации между территориальными составляющими федеральных округов не произошло. К положительным моментам следует отнести некоторое смягчение дифференциации рассматриваемого параметра между федеральными округами в целом, при сохранении существенной дифференциации между регионами внутри федеральных округов.

Проведенный анализ показал, что тенденцией последнего времени в сфере розничной торговли продовольствием является трансформация торговых форматов в форме перехода от гипермаркетов и магазинов у дома к дискаунтерам для поддержания экономичной модели потребления большинством населения. В ходе исследования подчеркнута важность достижения экономической доступности продовольствия для всех доходных групп населения, эффективным инструментом которого является развитие программ продовольственной помощи. Преодоление продовольственной инфляции возможно при проведении эффективной антимонопольной политики на основе неукоснительного выполнения антимонопольного законодательства, расширения конкурентной среды продовольственного рынка, государственной поддержки малых форматов агробизнеса и торговли продовольствием.

Список источников

1. Решетникова Е.Г. Необходимость стратегического управления развитием институциональной среды агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2014. № 1. С. 5.

2. Шагайда Н. И., Узун В. Я., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А. Оценка состояния продовольственной безопасности России. - М.: 2020.
3. Решетникова Е.Г. Стабильный внутренний спрос на продовольствие как фактор устойчивого развития национального агропродовольственного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. № 1 (9385). С.103-106.
4. Решетникова Е.Г. Долгосрочные тенденции трансформации институтов управления платежеспособным спросом на продовольствие // Продовольственная политика и безопасность. 2020. Т.7. № 3. С.199-214
5. Решетникова Е.Г. Институциональная составляющая обеспечения продовольственной безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198). С. 61-67.
6. Решетникова Н.В. Глобальные и национальные вызовы для агропродовольственного комплекса России // International Agricultural Journal. 2023. Т. 66. № 3.
7. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы //ЭКО. 2016. № 5. С.71-88.
8. В России закрылся каждый второй магазин одежды и обуви: эксперты назвали причины. – URL: <https://www.mk.ru/social/2025/11/14/v-rossii-zakrylsya-kazhdyy-vtoroy-magazin-odezhdy-i-obuvi-eksperty-nazvali-prichiny.html>
9. Доморацкая Ю. Выбор потребителями торговых форматов в сфере продуктов питания в современной России. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-potrebitelyami-torgovyh-formatov-v-sfere-produktov-pitaniya-v-sovremennoy-rossii>
10. Доктрина продовольственной безопасности РФ утвержденная Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. N 20. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>
11. Размахнин А., Тюкова Д. Пришла еда – прощай, плита? // МК 13-19 ноября 2024 года.
12. Глущенко К.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. №4. С.39-58
13. Удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий в общем объеме оборота розничной торговли. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya>
14. В России расцветают магазины низких цен. Как экономные россияне изменили рынок торговли? – URL: <https://lenta.ru/articles/2026/03/05/magaz/>
15. Сведения о деятельности маркетплейсов. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya>
16. Боков И. Рубль карман не тянет // МК.2026 ,13-19 мая.
17. Мартынов А.П., Богославская С.С. Уровень и качество жизни населения в регионах Приволжского федерального округа: современное состояние и динамика развития // Вопросы статистики. 2018. №25(1). С.25-33.
18. Александрова Л. Процент раздора // МК.2026.28 января-3 февраля.
19. Гришина Е.Н. , Лаптева И.П., Трусова Л.Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // Статистика и экономика. 2019 . Т16. № 3. С.15-21.

References

1. Reshetnikova, E.G. (2014) The need for strategic management of the institutional environment of the agro-food complex, *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*, no. 1, p. 5. (In Russ)
2. Shagayda, N.I., Uzun, V.Ya., Gataulina, E.A. and Shishkina, E.A. (2020) Assessment of the state of food in Russia. Moscow. (In Russ)
3. Reshetnikova, E.G. (2022)'Stable domestic demand for food as a factor of sustainable development of the national agro-food complex, *International Agricultural Journal*, no. 1 (9385), pp. 103–106. (In Russ)
4. Reshetnikova, E.G. (2020) Long-term trends in the transformation of institutions for managing effective demand for food, *Food Policy and Security*, vol. 7, no. 3, pp. 199–214. (In Russ)

5. Reshetnikova, E.G. (2015) Institutional component of ensuring food security, *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Informatics*, no. 1 (198), pp. 61–67. (In Russ)
6. Reshetnikova, N.V. (2023) Global and national challenges for the agro-food complex of Russia, *International Agricultural Journal*, vol. 66, no. 3. (In Russ)
7. Gumerov, R.R. (2016) 'Food security of Russia: problems and threats, *ECO*, no. 5, pp. 71–88. (In Russ)
8. MK.ru (2025) Every second clothing and footwear store has closed in Russia: experts named the reasons. Available at: <https://www.mk.ru/social/2025/11/14/v-rossii-zakrylsya-kazhdyy-vtoroy-magazin-odezhdy-i-obuvi-eksperty-nazvali-prichiny.html>.
9. Domoratskaya, Yu. Consumer choice of retail formats in the food sector in modern Russia. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-potrebitelyami-torgovyh-formatov-v-sfere-produktov-pitaniya-v-sovremennoy-rossii>.
10. Russian Federation (2020) Food Security Doctrine of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 20 of 21 January 2020. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>.
11. Razmakhin, A. and Tyukova, D. (2024) Food has arrived – goodbye, stove?, MK, 13–19 November.
12. Glushchenko, K.P. (2015) On the assessment of interregional inequality, *Spatial Economics*, no. 4, pp. 39–58. (In Russ)
13. Rosstat (n.d.) Share of food products, including beverages, and tobacco products in total retail trade turnover. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya>.
14. Lenta.ru (2026) Low-price stores are flourishing in Russia. How have thrifty Russians changed the trade market?. Available at: <https://lenta.ru/articles/2026/03/05/magaz/>.
15. Rosstat (n.d.) Information on the activities of marketplaces. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya>.
16. Bokov, I. (2026) The ruble does not stretch the pocket, MK, 13–19 May.
17. Martynov, A.P. and Bogoslavskaya, S.S. (2018) Level and quality of life of the population in the regions of the Volga Federal District: current state and development dynamics, *Voprosy Statistiki*, no. 25(1), pp. 25–33. (In Russ)
18. Aleksandrova, L. (2026) Percentage of discord, MK, 28 January – 3 February.
19. Grishina, E.N., Lapteva, I.P. and Trusova, L.N. (2019) 'Monetary income as the main indicator of the standard of living of the Russian population, *Statistics and Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 15–21. (In Russ)

Информация об авторе

Е.Г. Решетникова – доктор экономических наук, Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук».

Information about the author

E.G. Reshetnikova – Doctor of Economic Sciences, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 06.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 02.07.2026; approved after reviewing 06.07.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 13-20.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 13-20.
Научная статья
УДК 332.05

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В АГРОБИЗНЕСЕ

Олеся Александровна Винокурова,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
«Арктический государственный агротехнологический университет»,
г. Якутск, Россия, oaropova-1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные недостатки формирования корпоративной культуры в крупных аграрных объединениях, к числу которых автор относит: ограниченность коммуникаций в учётной политике, затрудняющая анализ информации; дефицит молодых кадров, слабо адаптирующихся к современной коммуникационной среде; искажение информации; сбои и ошибки в функциональной системе коммуникаций. Специфика корпоративной культуры агрохолдингов сосредоточена на коммуникативной стратегии, позволяющей формировать собственные концепции с аграрной тематикой и приоритетами в рамках установленных норм. Обосновывается необходимость создания корпоративных университетов и реализации программ обучения и переобучения с учётом отраслевых, внеотраслевых и возрастных особенностей сотрудников. Также предлагается включить в корпоративную культуру критерии готовности персонала к предпринимательской деятельности, особенно молодёжи. Кроме того, рассматривается возможность вывода отечественной сельхозпродукции на мировой рынок через создание геоэкономических региональных платформ/структур.

Ключевые слова: корпоративная культура, агробизнес, коммуникативная стратегия, корпоративная социальная ответственность, корпоративное обучение.

Для цитирования: Винокурова О.А. Проблемы формирования корпоративной культуры в агробизнесе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С 13-20.

Original article

PROBLEMS OF CORPORATE CULTURE FORMATION IN AGRIBUSINESS

Olesya A. Vinokurova,
Arctic State Agrotechnological University,
Yakutsk, Russia

Abstract. The article examines the main shortcomings in the formation of corporate culture in large agricultural associations, which the author identifies as: limited communications in accounting policies, hindering information analysis; a shortage of young personnel who poorly adapt to the modern communication environment; information distortion; and failures and errors in the functional communication system. The specificity of corporate culture in agroholdings is centered on a communication strategy that enables the development of their own concepts with agrarian themes and priorities within established norms. The necessity of creating corporate universities and implementing training and retraining programs that take into account industry-specific, cross-industry, and age-related characteristics of employees is substantiated. It is also proposed to include criteria

for personnel's readiness for entrepreneurial activity, especially among young people, into corporate culture. Furthermore, the possibility of introducing domestic agricultural products to the global market through the creation of geo-economic regional platforms/structures is considered.

Keywords: corporate culture, agribusiness, communication strategy, corporate social responsibility, corporate training.

For citation: Vinokurova O.A. Problems of corporate culture formation in agribusiness // *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2026;(3): 13-20. (In Russ)

Введение

Современная корпоративная система требует постоянного обновления, а также регулярного вывода на рынок новых товаров, услуг и брендов. Достижение этих целей напрямую связано с внедрением корпоративной культуры, которая, однако, нередко содержит недостатки и коммуникационные искажения. Последние возникают из-за несовершенства коммуникационной политики компаний, сбоев в распространении информации, недостаточного обучения персонала, а также из-за методов ведения бизнеса на разных уровнях управления и отсутствия условий для эффективного внутреннего и внешнего взаимодействия.

В аграрном секторе корпоративная культура сегодня внедряется преимущественно в крупных агропроизводственных объединениях и структурах холдингового типа. Тем не менее важнейшим принципом распространения культурных ценностей должен стать подход «от малого к великому»: эти ценности необходимо разделять не только крупным игрокам, но и представителям малого и среднего агробизнеса, сотрудничающим с ними. Подобный подход выстраивает взаимовыгодные коммуникации между разными формами хозяйствования, а все участники деловых отношений обязаны учитывать нормы корпоративной культуры своих контрагентов.

В связи с этим крупным агроформированиям в рамках коммуникативной политики целесообразно включать в свою корпоративную культуру мероприятия по реализации стратегий корпоративной социальной ответственности. В дальнейшем это позволит им целенаправленно отбирать партнёров из числа малых и средних предприятий, ориентируясь на степень ответственности их внутренней культуры принятым стандартам.

Цель исследования - провести диагностику проблем, оказывающих наиболее существенное влияние на повышение эффективности корпоративной культуры в агробизнесе. Выявить коммуникативные недостатки и обозначить направления для их преодоления.

Методика исследования

В ходе исследования применялся абстрактно-логический подход, который позволил систематизировать и критически осмыслить накопленные теоретические знания о корпоративной культуре, а также выделить её ключевые коммуникативные проблемы в контексте крупных агроформирований. Данный подход включал в себя методы анализа, синтеза, обобщения и сравнения, что дало возможность не только выявить типичные недостатки коммуникационной политики, но и проследить их взаимосвязь с организационными, кадровыми и управленческими аспектами деятельности агрохолдингов. Дополнительно в работе использовались элементы системного подхода, позволяющие рассматривать корпоративную культуру как многоуровневую структуру, функционирующую на пересечении внутренних регламентов, отраслевых стандартов и внешних рыночных условий. Проведённый анализ результатов исследований отечественных и зарубежных специалистов по избранной тематике послужил основой для обоснования функциональной значимости коммуникативной политики, а также для формирования практических рекомендаций по совершенствованию корпоративных коммуникаций в агробизнесе с учётом выявленных недостатков и перспектив их преодоления.

Результаты исследования.

В основе управления корпоративной культурой закладывается нормы корпоративной социальной ответственности, однако по настоящее время «не все сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства в регионе могут внедрить в управление принципы корпоративной социальной ответственности из-за недостаточной доходности своей хозяйственной

деятельности» [2, с. 31]. Тем не менее, каждый контрагент обязан обладать навыками и общими компетенциями в данной сфере деятельности в обязательном порядке.

Любой агрохолдинг, взаимодействуя с участниками, как правило, применяет учётную политику групп компаний агробизнеса, которая закрепляется в документе, регулирующем корпоративные отношения, который повышает эффективность работы и является главным звеном управления бизнес-процессами хозяйственной деятельности компаний со всеми дочерними организациями [12, с. 254]. Так формируется коммуникационная составляющая учётной политики, усиливающая контрольные и управленческие функции во взаимоотношениях между участниками объединения. Однако именно в рамках этой ограниченной коммуникации соблюдаются лишь формальные отношения, что является одним из первых недостатков корпоративной культуры как в целом, так и в агробизнесе в частности.

Несомненно, «корпоративная социальная ответственность сводится к решению обозначенных проблем. Однако важно отметить, что реализовать такие направления, могут и должны представители крупных коммерческих структур, т.е. не подсобные хозяйства и им подобные, а сельскохозяйственные организации - представители агробизнеса» [15, с. 354].

Следовательно, агробизнесу необходимо укреплять коммуникативные стратегии: просвещение должно охватывать не только малый и средний бизнес, но и саму корпоративную культуру, которая обязана быть понятной и доступной как для потребителей, так и для деловых партнёров. Вместе с тем, согласно Гражданскому кодексу, сельскохозяйственные организации в основном относятся к некоммерческим объединениям. Кроме того, вся информационная коммуникация (как внешняя, так и внутрифирменная) у всех участников агрохолдинга должна быть единообразной и непротиворечивой на любом уровне управления.

Сквозная программа развития коммуникационной стратегии корпоративной культуры агрохолдинга должна строиться на фундаменте социального измерения [3, с. 126]. В данной структуре обнаруживается ещё один недостаток, требующий внимания и связанный с тем, что «молодёжь, закончив школу и получив образование в центральных районах, не спешит возвращаться в родное село, несмотря на запущенные государственные программы федерального уровня для трудоустройства молодых специалистов на селе» [6, с. 37]. Отток молодых кадров, которые не возвращаются в места постоянного проживания после получения образования, снижает социально-экономический потенциал населённых пунктов и, как следствие, подрывает коммуникационную эффективность агробизнеса, затрудняя освоение коммуникативной среды с учётом специфики всех уровней – от сельского поселения до глобального взаимодействия. Помимо этого, система межличностных коммуникаций в сфере деловой и предпринимательской активности носит весьма формальный характер.

По сути, под термином «корпорация» в рамках исследования понимается «сложно организованная система, предназначенная для того, чтобы в условиях развития инфраструктуры не только в мегаполисах, но и выхода за пределы комфортабельных условий и расширения географии своего присутствия и влияния, контролировать всю деятельность, направленную на достижения генеральных (стратегических) приоритетов и целеполаганий» [5, с. 78]. Коммуникационный процесс в корпорации регулируется внутренними локальными актами, которые определяют правила и процедуры коммуникации и взаимодействия между сотрудниками и контрагентами.

В данной ситуации «корпоративная культура зиждется на трех основных направлениях: культура управления, культура межличностных отношений и культура работника» [9, с. 60]. В агробизнесе для высокоэффективной коммуникации без искажений и изъянов необходимо создать условия для вербального и невербального общения с использованием внутренних каналов связи посредством информационных технологий, включая среду ИКТ. Соответственно, тактические основы коммуникационной политики агрохолдинга потребуют корректировки и приведения в соответствие с общим направлением информационного потока.

Очевидно, существенным изъяном в этих процессуальных действиях и принимаемых решениях является доверие распространению рабочей информации через мессенджеры, за потоком которой сотрудники физически не успевают следить. Учитывая разветвлённость

структуры агрохолдинга, через мессенджеры проходит беспорядочное количество сообщений, на обработку которых работнику придётся тратить значительную часть рабочего времени. Отсюда следует, что в рамках реализации коммуникативной политики агрохолдинга необходимо организовывать постоянные курсы, проводить семинары, создавать и своевременно обновлять методические и справочные материалы.

Повышение компетенций сотрудников должно проводиться не только посредством дистанционного обучения. Работникам необходимо выделять не менее 1 рабочего дня в месяц для очного обучения. Основной «целью которого является развитие компетенций и формирование команды такая категория включает в себя мероприятия, сочетающие в себе образовательные и развивающие компоненты, направленные на повышение квалификации сотрудников и укрепление межличностных связей» [11, с. 260]. При этом необходимо учитывать, что «основными элементами корпоративной культуры являются миссия компании, ее цели и задачи; действующая система ценностей и коммуникаций; преобладающий стиль руководства; нормы поведения персонала, символика компании и пр. Названные элементы находят свое отражение в соответствующих внутренних документах корпорации, таких как кодекс корпоративного управления, этический кодекс и пр.» [7, с. 67]. Следовательно, разработчики курсов, семинаров и других форм обучения должны четко понимать особенности корпоративной культуры, а состав экспертов по обучению должен быть усилен опытными сотрудниками корпоративного университета при агрохолдинге. Лишь при соблюдении перечисленных организационных особенностей корпоративные коммуникации могут стать эффективными и сократить количество сбоев и ошибок.

В мировом и российском коммуникационном пространстве систематически происходят изменения, порождающие всё новые проблемы, фрактальность которых затрудняет механизм конкурентоспособности многих агропромышленных товаропроизводителей. Поэтому «коммуникационные стратегии корпоративной культуры являются важными инструментами для достижения устойчивого организационного успеха в условиях глобализации» [1, с. 167]. В настоящее время политические и глобальные мировые процессы сопровождаются принятием коллективных мер, препятствующих выводу сельскохозяйственной продукции на мировой рынок. Очевидно, что в рамках предпринимательской активности агробизнес может разрабатывать геостратегические проекты с финансиалистическим уклоном, способные вовлечь в орбиту геоэкономических процессов региональные валютно-денежные системы по согласованию с другими государствами в рамках единой социально-экономической и политической системы. Отсюда следует, что «для эффективного действия корпоративной культуры необходимо, чтобы каждый работник понимал значимость и необходимость использования в своей повседневной работе нормы и ценности компании» [10, с. 201], распространяемые на все аграрные структуры на мировом рынке в рамках единой региональной предпринимательской концепции и типовой программы корпоративной культуры.

Типовая программа корпоративной культуры должна «представляет из себя процесс вхождения нового сотрудника в компанию, включающий ознакомление с культурой компании, обучение по необходимым процессам и процедурам» [14, с. 57]. Методологическое развитие, дополняемое и корректируемое в соответствии с требованиями современности с учётом перспективы будущих изменений, должно строиться на основе конкретных критериев предпринимательской активности и формирования устойчивых корпоративных ценностей сельскохозяйственного направления.

Остаётся определиться с «пониманием основных аспектов формирования корпоративной культуры: использование стратегий управления этим процессом поможет компаниям успешно адаптироваться к изменяющимся условиям и достичь конкурентных преимуществ на рынке» [13, с. 357]. Безусловно, существенно важной частью корпоративной культуры является эффективное обучение и переобучение сотрудников, научное и методическое сопровождение программ обучения, их обновление в соответствии с нормативами и трендами рыночных ожиданий. Высока вероятность того, что реализация программ обучения может искажаться устаревшими данными, которые своевременно не обновляются, а оценочные мате-

риалы могут оказаться общедоступными и распространяться до начала аттестации, поскольку не перерабатываются.

В крупных агроформированиях рационально организовать и осуществлять образовательную деятельность в соответствии с нормами образовательного законодательства, а также централизованно создать корпоративный университет. При этом «программы обучения в корпоративном университете должны разрабатываться на практической подготовке непосредственно на производственной, технологической и иной инфраструктурной базе фирмы. Привлечение преподавателей должно строиться не на принципах авторитетности или иных профессиональных качеств, а на конкретных исследовательских и научных результатах и обладания заделов собственной научной школы по профилю преподаваемой дисциплины, иметь практику и опыт ведения и видения процессов, которые станут предметным феноменом для преподавательских и наставнических тематик» [8, с. 307]. Остаётся решить вопрос с руководителем корпоративного университета, который должен обладать не только навыками управления персоналом, но и опытом руководства образовательными и научными организациями. При этом руководителем корпоративного университета должен стать специалист, имеющий учёную степень доктора (или кандидата) наук, учёное звание профессора (или доцента), а также опыт работы в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования не менее 5 лет и публикационную активность не менее 20 научных работ за последние 5 лет.

Таким образом, «сильная корпоративная культура охватывает большое количество организационных коммуникаций, так как именно в общении и взаимодействии людей проявляется культура. Каждой организации, заинтересованной в повышении уровня корпоративной культуры, необходимо создать такую подсистему коммуникаций, информация которой соответствовала бы ценностям и нормам культуры» [4, с. 41]. Отсюда следует, что претенденты на организационно-управленческие должности должны доказать достоверность и проверяемость результатов своей трудовой деятельности, преимущественно в индивидуальной и в меньшей степени - в коллективной научной (творческой) активности.

Заключение

Функционирование корпоративных и холдинговых агрообъединений на принципах коммуникативных стратегий с перспективой распространения информационного потока на контрагентов и потребителей должно стать одной из ключевых оперативных задач, направленных на создание и укрепление информационного поля.

В ходе исследования были выявлены известные в самой корпоративной культуре недостатки, которым, однако, по стечению обстоятельств, в корпоративной политике крупного бизнеса уделяется слишком мало внимания.

Первый недостаток в системе корпоративных отношений – ограниченность коммуникаций при ведении коммуникационной учётной политики агроформирования. При этом учётная политика выступает связующим звеном между сотрудниками агрофирмы, контрагентами и партнёрами. Однако для проверки достоверности информационных потоков крайне важен механизм поиска и сопоставления данных, но у сотрудников не хватает времени на такую аналитическую работу.

Второй недостаток – дефицит молодых кадров в аграрной отрасли, особенно на селе. Это связано с тем, что молодёжь после окончания школы уезжает учиться в крупные населённые пункты, а после завершения обучения не возвращается в родные места либо выбирает профессии, не связанные с сельским образом жизни. Следовательно, лояльность молодых кадров агробизнесу может подвергаться сомнению. Поэтому в системе корпоративной культуры должны быть предусмотрены программы адаптации молодого поколения к новым реалиям, разработаны индивидуальные планы развития и построена «карьерная лестница». Вместе с тем для молодых специалистов, способных генерировать и реализовывать предпринимательские инициативы в агробизнесе, требуются совершенно иные программы индивидуального развития, что определяет очередной недостаток – разнообразие подходов к разработке обучающих программ.

Третий недостаток связан с искажением информации по принципу «сломанного телефона», которое особенно остро воспринимается сотрудниками, в первую очередь молодыми кадрами. Предупреждение и устранение данного недостатка может достигаться путём реализации программ лидерства и командообразования с вовлечением всех сотрудников агрофирмы. Наиболее эффективными при этом являются коллективные мероприятия: спортивные состязания, праздничные торжества и другие event-активности.

Четвёртый недостаток определяется в коммуникативной политике корпоративной культуры агрохолдинга: информация и способы вербальных и невербальных коммуникаций должны быть выстроены таким образом, чтобы их эффективность была направлена на сокращение числа сбоев и ошибок в функциональной системе.

Соответственно, процесс формирования, разработки, реализации и продвижения программ корпоративной культуры в крупных агроформированиях и аграрных объединениях, а также программ коммуникативной стратегии, – и их эффективная реализация зависят исключительно от грамотно организованных мероприятий, обучения и переобучения персонала с повышенным вниманием к молодому поколению. Кроме того, усиленное внимание следует уделять обучению и переобучению старшего поколения, которое испытывает затруднения при работе на компьютере, поиске достоверной информации в сети Интернет, освоении информационных технологий и налаживании коммуникаций в социальных сетях.

Список источников

1. Бренман А. И. Коммуникативные стратегии корпоративной культуры: влияние на эффективность и конкурентоспособность организаций // Шкатовские чтения: Материалы Международной научной конференции, Челябинск, 01 ноября 2024 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. – С. 164-167.
2. Волченкова А. С., зверева Г.П. Корпоративная социальная ответственность агробизнеса в регионе // Вестник техносферной безопасности и сельского развития. 2022. № 2(31). С. 28-31.
3. Гегель Г. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. - М.: 1970. - 900 с.
4. Гордеева Ю. В. Корпоративная культура организации как система // Современные тенденции развития теории и практики управления в России и за рубежом: Материалы VI международной научно-практической конференции (заочной), Тамбов, 02 ноября 2015 года / Ответственный редактор Е.А. Колесниченко. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 39-46.
5. Иванов Н.Ю., Цынзак М.П. Корпоративное управление: структурная иерархия // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Донецк, 06–07 ноября 2024 года. – Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы, 2024. – С. 76-81.
6. Иванов Н.Ю., Степанова С.С. Социальные измерения и удовлетворенность населения экономическими процессами на примере Усть-Майского улуса (района) Республики Саха (Якутия) // Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 10(15). С. 30-40.
7. Колесников Д.В., Аннаев В. Корпоративная культура в системе корпоративного управления // Державинские чтения: Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 29 апреля 2020 года / Отв. редактор Е.А. Колесниченко. Том Часть 2. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2020. – С. 63-70.
8. Иванов Н.Ю., Цынзак М.П., Винокурова О.А., Багаева Н.Ю. Конкурентный ресурс фирмы: корпоративный университет / // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 11. С. 305-309.
9. Коновалова Т. А. Взаимосвязь корпоративной культуры и корпоративного управления в оптимизации Российского бизнеса // Вестник торгово-технологического института. 2012. № 3(6). С. 59-63.

10. Мирошниченко М.А., Граматикопуло А.М., Седова Е.В. Корпоративная культура организации - инструмент реализации корпоративной стратегии развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 43(5). С. 198-203.

11. Павлова Н.С., Брынза И.В. Тематические корпоративные мероприятия как инструмент укрепления командного духа и корпоративной культуры // Сфера услуг: инновации и качество. 2025. № 76. С. 253-266.

12. Полторынкина В.В., Балашова Н.Н., Овчинников М.А. Формирование корпоративной учетной политики группы компаний агробизнеса // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2015. № 3(39). С. 251-254.

13. Семенова Е. В. Формирование корпоративной культуры в неопределенном мире: вызовы и стратегии // Структурные и институциональные трансформации в экономике и управлении: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ю.М. Ясинского, Минск, 16 апреля 2024 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – С. 354-358.

14. Счастливцев Т. Ю. Стратегии обучения персонала и внедрения изменений в корпоративную культуру // Сборник научных разработок аспирантов Московской международной академии: Сборник научных статей. – Москва: Московская международная академия, 2024. – С. 56-59.

15. Чудинов О. О. Взаимосвязь корпоративной социальной ответственности и агробизнеса // Актуальные вопросы аграрной экономики: теория, методология, практика : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых, Нижний Новгород, 17 июня 2015 года / Под научной редакцией А.Г. Самodelкина, А.А. Серова, А.А. Чиликова. – Нижний Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия», 2015. – С. 353-355.

References

1. Brenman, A.I. (2024) Communication strategies of corporate culture: impact on efficiency and competitiveness of organizations, in *Shkatov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference*, Chelyabinsk, November 1, 2024. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 164–167.

2. Volchenkova, A.S. and Zvereva, G.P. (2022) Corporate social responsibility of agribusiness in the region, *Bulletin of Technosphere Safety and Rural Development*, 2(31), pp. 28–31.

3. Hegel, G. (1970) *Science of Logic*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 900 p.

4. Gordeeva, Yu.V. (2016) Corporate culture of an organization as a system, in Kolesnichenko, E.A. (ed.) *Modern Trends in the Development of Management Theory and Practice in Russia and Abroad: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (distance)*, Tambov, November 2, 2015. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, pp. 39–46.

5. Ivanov, N.Yu. and Tsynzak, M.P. (2024) Corporate governance: structural hierarchy, in *Managing the Strategic Development of Key Spheres and Branches of the National Economy under Contemporary Challenges: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Donetsk, November 6–7, 2024. Donetsk: Donetsk Academy of Management and Public Service, pp. 76–81.

6. Ivanov, N.Yu. and Stepanova, S.S. (2020) Social dimensions and population satisfaction with economic processes on the example of the Ust-Maisky ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), *Academic Bulletin of the Yakut State Agricultural Academy*, 10(15), pp. 30–40.

7. Kolesnikov, D.V. and Annaev, V. (2020) Corporate culture in the corporate governance system, in Kolesnichenko, E.A. (ed.) *Derzhavin Readings: Proceedings of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference*, Tambov, April 29, 2020. Vol. Part 2. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, pp. 63–70.

8. Ivanov, N.Yu., Tsynzak, M.P., Vinokurova, O.A. and Bagaeva, N.Yu. (2024) Competitive resource of a firm: corporate university, *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology*, 11, pp. 305–309.
9. Konovalova, T.A. (2012) The relationship between corporate culture and corporate governance in optimizing Russian business, *Bulletin of the Trade and Technology Institute*, 3(6), pp. 59–63.
10. Miroshnichenko, M.A., Gramatikopulo, A.M. and Sedova, E.V. (2022) Corporate culture of an organization as a tool for implementing corporate development strategy, *Natural Sciences and Humanities Research*, 43(5), pp. 198–203.
11. Pavlova, N.S. and Brynza, I.V. (2025) Thematic corporate events as a tool for strengthening team spirit and corporate culture, *Service Sector: Innovations and Quality*, 76, pp. 253–266.
12. Poltorynkina, V.V., Balashova, N.N. and Ovchinnikov, M.A. (2015) Formation of corporate accounting policy for a group of agribusiness companies, *Proceedings of the Nizhnevolzhsky Agrouniversity Complex: Science and Higher Professional Education*, 3(39), pp. 251–254.
13. Semenova, E.V. (2024) Formation of corporate culture in an uncertain world: challenges and strategies, in *Structural and Institutional Transformations in Economics and Management: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor Yu.M. Yasinsky*, Minsk, April 16, 2024. Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, pp. 354–358.
14. Schastlivtsev, T.Yu. (2024) Strategies for personnel training and implementing changes in corporate culture, in *Collection of Scientific Developments of Postgraduates of the Moscow International Academy: Collection of Scientific Articles*. Moscow: Moscow International Academy, pp. 56–59.
15. Chudinov, O.O. (2015) The relationship between corporate social responsibility and agribusiness, in Samodelkin, A.G., Serov, A.A. and Chilikov, A.A. (eds.) *Current Issues of Agrarian Economics: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation of Students and Young Scientists*, Nizhny Novgorod, June 17, 2015. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, pp. 353–355.

Информация об авторе

О.А. Винокурова, старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Арктический государственный агротехнологический университет», г. Якутск, Россия

Information about the author

O.A. Vinokurova, Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution "Arctic State Agrotechnological University", Yakutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.07.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 08.07.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 21-27.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 21-27.

Научная статья
УДК 316.44

ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ ВЫБОРА ВЕРСИЙ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Петр Панфилович Великий

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается рост возможности выбора трудовой занятости сельских жителей, который доступен как в местах проживания, так и на удаленных территориях. Выбор обусловлен организационными, этосными факторами, здоровьем, смыслами жизнедеятельности акторов. Приоритетными в выборе мест труда являются возможность совместной работы небольших групп, связанных чувством землячества, и полипрофессионализм.

Ключевые слова: фермерство, акционерные предприятия, семейное хозяйствование, трудовое отходничество, маятниковая трудовая миграция, нормативно упорядоченная, мнимо контролируемая область занятости.

Для цитирования: Великий П.П. Пространство свободы выбора версий трудовой занятости сельского жителя // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 21-27.

Original article

THE SPACE OF FREEDOM TO CHOOSE VERSIONS OF EMPLOYMENT FOR RURAL RESIDENTS

Petr P. Veliky

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

Abstract. The article notes the growing possibility of choosing employment for rural residents, which is available both in places of residence and in remote territories. The choice is determined by organizational and ethos-related factors, health, and the meanings of the actors' life activities. Priority in the choice of places of work are the possibility of joint work of small groups connected by a sense of fellow-countrymanship, and polyprofessionalism.

Keywords: farming, joint-stock enterprises, family farming, labor otkhodnichestvo, pendulum labor migration, normatively ordered, ostensibly controlled area of employment.

For citation: Velikiy P.P. The space of freedom to choose versions of employment for a rural resident. Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3):21-27. (In Russ)

Введение

Крестьянство, в своем историческом развитии, - это сословие, которое наиболее часто получало в общественном дискурсе и научном осмыслении противоречивые оценки. По К. Марксу - это «непонятный иероглиф» для цивилизованного общества; неуклюже-лукавый,

плутовато- наивный, несуразно-возвышенный, расчетно-суеверный субъект [1]. В дальнейшем появились работы, в которых трудовой и духовно-нравственный потенциал крестьянства оценивался в соответствии с действительным его состоянием. Более того, признавалась уникальность крестьянского мира, что воплотилось в книгах Т. Шанина («Великий незнакомец»), П. Симуша («Мир таинственный»), Л. Милова («Великий русский пахарь и особенности российского исторического процесса» [2]). А. Чаянов глубоко изучил сущность крестьянского труда и создал теорию, в которой его мотивация принципиально отличалась от труда рабочего направленностью на результат.

Гуманистические моменты (интенции) общественного сознания в мире всё чаще включают дезурбанизированные (рурализационные) аспекты. Россия, как и многие другие страны, включает территории аграрной направленности производства, экономики и жизнедеятельности населения. Все более актуальными становятся вопросы сохранения живущего в них населения, которое выполняет не только трудовые, но и многочисленные гражданские функции по сохранению духовно-нравственных начал российской цивилизации. Но есть и проблемы: сельское население уменьшается не только по численности, но и по соотношению демографических групп. С 2010 года показатели рождаемости показывают тенденцию сокращения возможности воспроизводства численности за счет собственных людских ресурсов. Хотя до настоящего времени агропродовольственный комплекс обеспечивает продовольственную безопасность страны, непосредственно аграрным трудом в формальных организациях занято не более 10-20% трудоспособных членов сельских сообществ, остальные вынуждены находить каналы поступления ресурсов для выживания за пределами агросферы.

Цели исследования

В статье применен историко-социологический подход к анализу пространства трудовой занятости в агросфере и за ее пределами в контексте создания предпосылок устойчивости сельской жизни.

Результаты исследования

Крестьянство европейских государств встречалось в основном с тремя способами регулирования его жизни. В Англии крупный капитал во имя владения землей инициировал лишение крестьян земли и возможности заниматься земледелием, в результате чего они устремились в города, в которых особой (производительной) потребности в них не было. В СССР на начальном этапе существовала огромная потребность в привлечении кадров в промышленное производство. Помимо открытых вакансий, на которые принимали специалистов, получивших образование еще до Октябрьской революции, существовала система «исправления» репрессированных представителей разных социальных групп на строительстве железных дорог, мостов и заводов. Позднее села получали предписания власти отправлять подростков в фабрично-заводские училища для обучения специальностям индустриального профиля. В целом эти достаточно жесткие меры не лишали деревню большой численности, чему способствовало отсутствие права свободно её покинуть, что сохранялось до семидесятых годов XX века (хотя это не касалось сельской молодежи, желающей обучаться в вузах и техникумах).

Если рассматривать процессы реформы 1990 годов, то в это время в городах закрывались заводы, предприятия сферы обслуживания, росло число безработных, но у сельчан оставался традиционный источник выживания - семейное хозяйство (ЛПХ). Наиболее здоровые и инициативные нашли и иные источники работы, непопулярные в столицах и на Крайнем Севере.

Сельское хозяйство в ряду остальных отраслей народного хозяйства почти не отличается от них, однако, в нем более обострены две проблемы: увеличения материального благополучия за последние три года и справедливая оплата труда.

Хотя по большинству показателей работники сельскохозяйственной отрасли находятся в ситуации, схожей с другими отраслями, это не означает, что они не испытывают особых, присущих только им ограничений, во многом заданных неравномерной нагрузкой работника: быть высоко востребованным в весенние и осенние месяцы и низко - в зимние. Собственники и руководители сельхозорганизаций, исходя из экономических соображений, переводят

работников на минимальную зарплату, активно поддерживают переход в неоплачиваемые отпуска. Среди других четырех отраслей доля аграриев, работающих без трудового договора, наиболее высока - 20,5% (исключая торговлю и ЖКХ, где показатель 23,9%). Обращает на себя внимание показатель состояния здоровья, особенно наличие хронических заболеваний, уровень которых превышает сравниваемые группы работников в два раза (40%, то есть почти половина работников сельскохозяйственной отрасли). Можно предположить, что в совокупности сельского населения их меньше, и что более здоровые и мобильные предпочли зарабатывать на жизнь в других местах посредством трудового отходничества, а для поддержки АПК остался физически ослабленный контингент.

Таблица - Распределение ответов работников сельского хозяйства и четырех отраслей народного хозяйства (% от соответствующей группы)

Избранные переменные	Отрасли профессиональной деятельности				
	Промышленность	Строительство	Транспорт	Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	Сельское хозяйство
Из каких источников формируется доход					
Заработная плата	99,1	99,1	98,2	98,2	96,0
Как изменилось материальное положение за последние три года					
Улучшилось	18,0	23,9	10,9	18,6	17,5
Ухудшилось	39,1	35,8	41,8	46,0	38,5
Могут ли влиять на принятие важных решений					
Могут влиять в полной мере в своей производственной организации	3,0	9,2]	3,6	8,1	7,0
Не могут влиять	65,2	71,6	72,7	66,4	73,5
Состояние здоровья					
Полностью здоровы	16,7	17,4	12,7	15,0	14,0
Имеют хронические заболевания	20,6	12,8	14,5	15,0	40,0
Что является очень важным в Вашей жизни					
Семья	89,7	89,9	92,7	94,7	95,0
Работа	84,1	84,4	85,5	84,1	82,0
Отдых	66,5	70,6	74,5	71,7	64,5
Улучшится ли Ваша жизнь в ближайшем будущем					
Улучшится	28,8	33,9	21,8	38,9	25,5
Не улучшится	36,9	29,4	36,4	29,2	42,0

Примечание: 61,5% сельчан обеспечивают себя продуктами за счет ЛПХ

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийского исследования труда.

В ходе всех рыночных реформ в России действовали три идеологии или смысложизненные представления, которые, сталкиваясь и как-то притираясь, отразились в реализованных проектах. Это советизм (включающий традиционализм советского образца), либерализм (примитивно трактуемый как свобода коллективных акторов от государства) и традиционализм глубинный (как подчинение максима́м добропорядочной народной жизни).

Выделенные смысложизненные установки не враждебны друг другу. На базе совокупности позитивного начала каждой можно строить действующую модель человекосоразмерного функционирования всех сторон жизнедеятельности населения территорий. Однако с первых шагов преобразования экономической и производственной структуры агросферы, когда вольно или невольно были оставлены целые лакуны без всякого регулирования - точнее, без изменения институциональной основы функционирования индивидуальных и коллективных акторов, - появились и негативные моменты [3].

Мнимоконтролируемость – то же самое, что «условно», «как бы», «в порядке первого приближения», «малоизвестное» для власти, отсутствие контроля общества за состоянием в определенной сфере, области пространства. Это относится к территориям и отдельным областям жизни в них. Особенно ярко это проявляется в показателях преступности, алкоголизма, отдельных болезней, причины которых до конца глубоко не известны ни специалистам, ни массовым слоям общества. Со временем «мнимоконтролируемое» может переходить в реально действующее – «нормативнообязательное», отвечающее сущности общественного процесса.

В подобном рассмотренному положению в агросфере находится процесс трудовой миграции: здоровые, инициативные мужчины, используя информационную доступность, сбиваются в подобие артелей из желающих подработать в разных городах и северных территориях. Уезжают на 3-6 месяцев, приезды домой к семьям редки, иногда ни разу, если место работы очень удалено от места проживания. Доход, по меркам последних лет, почти не превышает зарплату квалифицированных рабочих в промышленности. В результате налицо отрыв от родительских функций, отчуждение от аграрного труда.

Целый ряд процессов в деревне, как и в других типах поселений, проходит на принципах самовоспроизводства, самостоятельности индивидуальных и коллективных акторов. Выезд из региона в другой регион или страну, смена профессии и многое другое далеко не всегда подлежат нормативно-упорядоченному влиянию. К этому типу мобильности относится трудовое отходничество, получившее довольно широкое распространение среди сельских жителей. С одной стороны, это форма реализации свободы в отношении места и вида занятости, обогащающая их новыми компетенциями, впечатлениями, расширением кругозора. С другой стороны, - это вынужденная мера, которую приходится осуществлять человеку, как правило, главе семьи, чтобы получить сумму денег, недоступную в результате работы в местных сельскохозяйственных организациях.

Мнимо подконтрольный процесс, включивший сотни тысяч людей из села, заключается, во-первых, в отсутствии данных о количестве и качестве людей, потенциально навсегда покинувших аграрный труд в своей деревне. Во-вторых, отсутствие члена семьи (нередко на полгода, без единого приезда домой) - мнимо воспитательная издержка. В-третьих, фактически не выходят на площадки дискурсов условия пребывания этих мигрантов в организациях, их принявших на работу.

Резервы восстановления функций агросферы в контексте её устойчивости

Агросфера (поселения и населяющие их люди, средства и орудия труда, обмен ценностями, духовная жизнь) предстает как организационно замкнутая система. Для наиболее значимых внутренних отраслей создаются ответственные за их состояние органы, действующие в масштабе регионов и страны в целом. Собираются бесчисленные справки с цифровыми показателями. Однако замкнутость на целях своей отрасли зачастую ставит границы каузальных связей. Реальные структурные сопряжения в агросфере остаются и не лежат на поверхности. Отсутствие устойчивости обычно связывают с потерей интереса сельской семьи к желанию вести сельское хозяйство, содержать на подворьях скот, птицу. Между тем на начальном этапе аграрной реформы были заложены основания для разрушения сопряженности между массовым семейным хозяйствованием и порядком разделения земель (включая те, что ранее были пастбищами для скота домохозяйств и частных владельцев).

Следующим фактором, отрицательно влияющим на устойчивость развития агросферы, являлось снижение уровня комплексности, которая является эффективной, когда включает достаточно много элементов, связанных между собой системно. Реальная практика не всегда позволяет выстраивать комплексность при достаточном числе элементов и тогда особое значение приобретает выстраивание отношений между элементами на основе высокоизбирательной связи, которая обеспечивает выполнение основной цели функционирования объекта, будь то территория или поселенческая общность в ней. Однако нередко такой подход упирается в переключение акторов на решение вопросов текущего момента: преодоление дефицита ресурсов хозяйствования, соответствие/ несоответствие положения дел стандартам и т. п.

Между тем, воспроизводство человеческого состава, как демонстрирует, например, фермерский уклад, остается на уровне мнимо-подконтрольного отношения как самих фермеров, так и органов управления АПК. Это обусловлено институтами и крестьянской культурой заботы о будущем.

Многолетние наблюдения за семьей, являющейся по нашей градации мелким фермером (100 га земли, занят растениеводством), показывают нечто общее на частном примере реалий в Краснодарском крае. Сын, потенциальный наследник, сознавая, что его участие в работе на своей ферме не улучшает производственные достижения, и не желая нагружать своим присутствием бюджет семьи, мигрирует за рубеж и нанимается к фермеру на самую низкую должность. Через 1-2 года его доход в качестве простого наемного работника не уступает доходу российского фермера. Наблюдая за повседневностью хозяина зарубежной фермы, он убедился, что тот избавлен от большинства забот о расходных материалах, сбыте продукции, кредитах и прочем, присущих его отцу-фермеру. Тоскуя по семье и родному краю, молодой человек обдумывает варианты возврата и вхождения в самостоятельный статус российского фермера, однако дорожная карта этого обещает в основном тупики.

Во-первых, свободной земли уже давно нет. Остается вариант приобретения у лиц, которые по разным причинам не в состоянии самостоятельно вести фермерское хозяйство. Но это трудно осуществить, так как продавец получит заманчивые предложения от местных фермеров передать им землю на условиях субаренды. Во-вторых, он может столкнуться с недоверием к его моральным качествам, подозрением в неуживчивости (не работает с отцом). В-третьих, его ждет неустроенный быт, необходимость снимать квартиру или хотя бы угол. Инфраструктура питания в селах (столовые, кафе), как правило, отсутствует. В-четвертых, и это самое главное, молодой фермер встретится с укорененным порядком постоянного напряжения - с общением с банками, сбытом произведенной продукции, растущими ставками и ценами, уже не одно десятилетие сопутствующими участнику деятельности в рыночных условиях.

Наблюдения за организациями корпоративно-делового уклада, сохранившими во многом коллективистские начала в хозяйствовании, показывают, что они имеют потенциал устойчивого роста и развития. Время хороших советских колхозов уже далеко в прошлом. Тем ценнее впечатления еще здравствующих свидетелей поведения крестьянских коллективов в трудных деловых отношениях.

Приведем нарратив относительно недалекой ретроспективы. Респондент, учитель, перешагнувший 90-летний рубеж своей жизни, сознавая, что является последним наблюдателем сельского мира в его нормальном и экстремальном состоянии, посчитал уместным выделить следующие типичные черты образа жизни деревни.

Отношение к власти любого формализованного уровня отличалось покорностью и беспрекословием. Когда оплата труда уменьшилась до 200 гр. зерна на трудодень (а это всего один мешок за 250 выходов на работу за год), то и в этой ситуации крестьянство сумело выжить и не предавалось унынию. Основным продуктом питания были картофель и сквашенное молоко (простокваша). Из картофельного крахмала с добавкой горстки муки пекли хлеб. Питание, хоть было и скудное, но обессиленных от недоедания не было.

При этом действовал и самоконтроль. Например, человека, пытавшегося собрать для себя клочки соломы, упавшие на дорогу, когда ее свозили с полей, в сообществе оценили бы как нарушителя, посягавшего на колхозную собственность. Подлинным праздником являлась уборка урожая. Строили полевой стан, временное сооружение, где за счет колхоза кормили комбайнеров, трактористов и детей, приходящих сюда к своим родителям. Праздничность поддерживалась и пищей с мясом, что в повседневной жизни было редкостью.

Молодежь, в основном девушки, при непрерывном тяжелом труде собиралась вечерами в клубе. Иногда пели песни, как правило, драматического содержания. «Все солдаты едут веселиться, все спешат скорей домой, лишь один солдат был невеселый, он был круглым сиротой...». После войны репертуар пополнялся тюремными песнями, которые приносили возвращающиеся из мест заключения односельчане, осужденные за мелкие правонарушения. В культуре крестьянства военного времени и до середины 1950-х годов отсутствовали хоть ка-

кие-то действия, направленные на конструирование в хозяйствовании и социальной сфере. Тем не менее, сообщество не было совершенно замкнутым. После того как был облегчен доступ верующих к церковному богослужению, в этом селе появился священник, который крестил большинство детей.

При всей жесткости режима, в котором пребывали жители деревни, они не потеряли чувства чести и достоинства. Структура (отдельное село- отдельный колхоз) еще до кампании ликвидации мелких деревень корректировалась местной властью путем объединения близлежащих деревень в один колхоз. И здесь проявились чувства самоуважения трудового коллектива описанного села, к которому присоединяли деревню ликвидированного колхоза. При этом предлагалось новому колхозу дать название ликвидированного, а жители хорошего колхоза восприняли это как унижение и два дня самовольно собирались на собрание, где пытались доказать представителю райкома несправедливость присоединения успешного хозяйства к слабому. Кому-то этот факт может показаться проявлением «непросвещенности» крестьянской общины, но он значим с позиции того, насколько солидарность и сплоченность была характерна колхозному крестьянству.

Заключение

Социология путем системно-теоретического анализа пытается понять взаимодействие «штатного» порядка и действий на базе самоорганизации. Возникновение и сохранение явлений внутри любой системы (внутри агросферы) происходят как под действием причин внутреннего, так и внешнего характера. Так, и трудовое отходничество, и перемещение части трудоспособных людей из формальных организаций в семейное хозяйство товарного типа (а не в фермерство) порождены не только низкой оплатой труда в сельском хозяйстве, но и расширением кадровых потребностей в других сферах экономики (энергетики, строительства, сферы услуг). Таким образом, участниками того или иного состояния территории и внутренних объектов её становятся другие территории, отрасли, ведомства; уровень влияния внешних воздействий на другую территорию, что складывается из бесконечного количества разных факторов. В зависимости от интереса субъекта анализа (или распределителей средств) упорядочение каузальных факторов может осуществляться по-разному и давать разные результаты в деле жизнеустройства жителей территории.

Список источников

1. Маркс К. Классовая борьба во Франции 1848-1850 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т.7, с. 5-110.
2. Милов Л. Великий русский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: РОССПЭН, 1998.
3. Отходники : [монография] / Плюснин Ю. М. [и др.]. –М. : Новый Хронограф, 2013. – 288 с.

References

1. Marx, K. (1957) *The Class Struggle in France 1848–1850*. In: Marx, K. and Engels, F. *Collected Works*, Vol. 7, pp. 5–110.
2. Milov, L. (1998) *The Great Russian Ploughman and the Peculiarities of the Russian Historical Process*. Moscow: ROSSPEN.
3. Plyusnin, Yu.M. et al. (2013) *Otkhodniki [Migrant Workers]*. Moscow: Novy Khronograf.

Информация об авторе

П.П. Великий – доктор философских наук, профессор, Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

Information about the author

P.P. Velikiy – Doctor of philosophical sciences, professor, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 21.09.2026 г.; одобрена после рецензирования 25.09.2026 г.; принята к публикации 25.09.2026 г.

The article was submitted 21.09.2026; approved after reviewing 25.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026 № 3 С. 28-37.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 28-37.

Научная статья
УДК 316.44

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗМЕЩЕНИЮ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЕЛЬСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ

Вера Николаевна Рубцова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, mailofnick@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является разработка методологического подхода к размещению медицинских организаций в сельских агломерациях России. Выявлено и статистически обосновано наличие существенных региональных диспропорций в обеспеченности медицинским оборудованием, врачами и средним медперсоналом сельского населения регионов РФ. Обоснованы рекомендации по размещению медицинских организаций в агломерированных сельских территориях, обеспечивающие устранение неравенства территориальной доступности сельского населения к медицинской помощи. Результаты исследования могут использоваться при разработке планов долгосрочного социально-экономического развития сельских агломераций.

Ключевые слова: сельские агломерации, сельское население, медицинская помощь, устранение неравенства, государственная политика.

Для цитирования: Рубцова В.Н. Методологический подход к размещению медицинских организаций в сельских агломерациях // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 28-37.

Original article

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE LOCATION OF MEDICAL ORGANIZATIONS IN RURAL AGGLOMERATIONS

Vera N. Rubtsova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

Abstract. The purpose of the study is to develop a methodological approach to the location of medical organizations in rural agglomerations of Russia. The presence of significant regional disparities in the provision of medical equipment, doctors, and paramedical personnel to the rural population of the regions of the Russian Federation has been identified and statistically substantiated. Recommendations on the location of medical organizations in agglomerated rural areas have been substantiated, ensuring the elimination of inequality in the territorial accessibility of medical care for the rural population. The results of the study can be used in developing plans for the long-term socio-economic development of rural agglomerations.

Keywords: rural agglomerations, rural population, medical care, elimination of inequality, state policy.

For citation: Rubtsova V.N. Methodological approach to the location of medical organizations in rural agglomerations. Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 28-37. (In Russ)

Введение

Социально-экономическая дестабилизация, наблюдаемая в глобальном масштабе, введение санкций против России и необходимость поиска путей отхода от реализации парадигмы либеральной глобализации к устойчивому социально-экономическому развитию АПК России актуализирует поиск научных направлений, обеспечивающих разрешение проблемы формирования и поддержки устойчивого развития сельского здравоохранения в условиях агломерирования сельских территорий России. Устойчивое развитие сельского здравоохранения необходимо рассматривать не только как один из существенных факторов личного благополучия сельского населения, но и как условие полноценного выполнения сельским населением деятельности по обеспечению продовольственной безопасности России. Агломерирование сельских территорий России в данном контексте рассматривается в качестве инструмента, применение которого будет содействовать устойчивому социально-экономическому развитию сельских территорий и устранению неравенства доступа населения агломераций к медицинской помощи.

Сельская агломерация представляет собой группу сельских территорий с активными, постоянными, устойчивыми взаимодействиями их населения с опорными населенными пунктами в сфере труда, быта, потребления социокультурных благ по сравнению с остальными сельскими территориями. В последние годы в государственной политике агломерирования сельских территорий России, отраженной в документах исполнительной власти, уделялось особое внимание устранению неравенства населения сельских территорий в доступе к медицинской помощи.

Цель исследования: разработка методологического подхода к размещению медицинских организаций в сельских агломерациях для устранения неравенства доступа их населения к медицинской помощи.

В задачи исследования включено:

- выявление и статистическое обоснование региональных диспропорций в обеспеченности населения сельских территорий больничными койками, врачами, средним медперсоналом;
- оценка отраженной в документах исполнительной власти нормативно-правовой основы государственной политики, направленной на устранение неравенства доступа населения сельских агломераций к медицинской помощи;
- разработка авторского методологического подхода к размещению медицинских организаций в агломерированных сельских территориях, обеспечивающего устранение неравенства территориальной доступности населения сельских агломераций к медицинской помощи.

Методы исследования

В статье были использованы логический, статистический и монографический методы исследования. Информационную базу проведенного исследования составили публикации отечественных авторов, отразившие состояние системного кризиса сельской медицины [1-3], материалы государственной статистики, свидетельствующие о существенных региональных диспропорциях в обеспеченности населения сельских территорий, расположенных в неблагоприятных для ведения сельского хозяйства климатических зонах России больничными койками, врачами, средним медперсоналом [4]. Изучены документы исполнительной власти, в которых содержится нормативно-правовая основа государственной политики регулирования развития сельского здравоохранения в условиях агломерирования сельских территорий [5-11, 15]. К проведенному в статье исследованию привлечены публикации отечественных авторов, изучавших возможности повышения эффективности использования инструментов, включенных в государственную политику сельского агломерирования [12-14]. Изучены публикации отечественных авторов, разработавших количественные методы анализа развития агломераций, определения направлений дальнейшего их развития [17-20].

Результаты исследования

Проблема слабости сельского здравоохранения, усиливающейся недоступности медицинской помощи для населения мелких, удаленных от центров расселения сельских населенных пунктов, лишенных круглогодичной дорожно-транспортной связи с центрами сельского

расселения, неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей. Исследователи проблем развития сельского здравоохранения указывали на недостаточное финансирование сельского здравоохранения, осуществляемое в рамках системы национального здравоохранения РФ, ресурсную слабость большинства сельских медицинских организаций, отмечалось необоснованное сокращение медицинских организаций первичного звена сельского здравоохранения, расположенных вне районных центров непосредственно в сельских населенных пунктах и оказывающих населению доврачебную и врачебную медицинскую помощь. В публикациях отмечались неоднозначные последствия реформирования системы национального здравоохранения в сельских территориях России. Они состояли в том, что в результате реформирования медицинские организации, расположенные в сельских районных центрах, получили ресурсное подкрепление, а организации первичного звена сельской медицины, расположенные в сельских населенных пунктах, были перенесены в районные центры или ликвидированы. Таким образом, население значительного числа сельских населенных пунктов было лишено доступа к медицинской помощи. В последние годы научное осмысление усиливающейся дифференциации доступа населения сельских территорий к медицинской помощи получило определение одной из основных причин оттока населения из сельских территорий России в города, где можно получить любой вид медицинской помощи [1 - 3].

Дифференциация условий доступа населения сельских территорий к медицинской помощи, помимо показателей территориальной доступности, отражена в количественных показателях обеспеченности населения сельских территорий федеральных округов РФ больничными койками (коек на 10000 сельского населения), врачами (врачей на 10000 сельского населения), средним медицинским персоналом (фельдшеров, мед. сестер на 10000 сельского населения). Статистически установлены разрывы между количественными показателями обеспеченности населения сельских территорий субъектов РФ, расположенных в федеральных округах РФ, больничными койками, врачами, средним медперсоналом.

Проведенное в статье исследование количественных показателей обеспеченности населения сельских территорий субъектов РФ, расположенных в составе федеральных округов РФ, больничными койками, врачами, средним медицинским персоналом, выявило и статистически подтвердило наличие существенной дифференциации цифровых значений анализируемых показателей. Максимальный разрыв между показателями обеспеченности койками на 10000 сельского населения Центрального федерального округа наблюдается между Костромской (103,3 койки) и Орловской (3,0 койки) областями. Разрыв показателей обеспеченности койками сельского населения между этими субъектами РФ равен 34,4 раз. Высокое цифровое значение разрыва показателя обеспеченности врачами на 10000 сельского населения установлено между сельскими территориями Ненецкого автономного округа и Псковской областью в составе Северо-Западного федерального округа. (Ненецкий автономный округ - 33,2 врачей; Псковская область - 0,7 врачей). Здесь разрыв между анализируемыми показателями равен 47,4. Статистически подтверждено наличие существенной дифференциации показателей обеспеченности населения сельских территорий, расположенных в Северо-Западном федеральном округе РФ, средним медицинским персоналом. Разрыв исследуемого показателя, наблюдаемого в Ненецком автономном округе (126,7 ед. среднего медперсонала на 10000 сельского населения) в сопоставлении с аналогичным показателем в Псковской области (14,0 ед. среднего медперсонала на 10000 сельского населения) равен 9,1. Доказанное статистически неравенство доступа населения сельских территорий субъектов РФ в составе федеральных округов РФ к медицинской помощи обосновывает необходимость применения инструментов государственного и регионального управления для устранения неравенства условий доступа к медицинской помощи в процессе агломерирования сельских территорий прежде всего в сельских территориях России с минимальной обеспеченностью койками и медицинскими кадрами (таблица) [4].

Таблица - Региональные диспропорции в обеспеченности населения сельских территорий России больничными койками, врачами, средним медперсоналом

Наименование федеральных округов РФ	Показатели обеспеченности сельских территорий ФО РФ больничными койками				Показатели обеспеченности сельских территорий ФО РФ врачами				Показатели обеспеченности сельских территорий ФО РФ средним медперсоналом			
	Обесп. койками на 10000 насел.	Сельская территория субъекта РФ с максимальным показателем	Сельская территория субъекта РФ с минимальным показателем	Разрыв	Обесп. врачами на 10000 насел.	Сельская территория субъекта РФ с максимальным показателем	Сельская территория субъекта РФ с минимальным показателем	Разрыв	Обесп. ср. мед. перс. на 10000 насел.	Сельская территория субъекта РФ федерации с максимальным показателем	Сельская территория субъекта РФ с минимальным показателем	Разрыв
Российская Федерация	37,6				13,6				49,0			
Центральный федеральный округ	48,2	Костромская область 103,3	Орловская область 3,0	34,4	12,5	Курская область 19,3	Брянская область 5,4	3,6	43,8	Костромская область 68,1	Орловская область 29,9	2,3
Северо-Западный федеральный округ	34,6	Архангельская область без автономного округа 54,5	Калининградская область 16,6	3,3	10,7	Ненецкий автономный округ 33,2	Псковская область 0,7	47,4	39,9	Ненецкий автономный округ 126,7	Псковская область 14,0	9,1
Южный федеральный округ	43,6	Волгоградская область 50,7	Астраханская область 15,5	3,3	13,5	Республика Калмыкия 19,4	Волгоградская область 8,3	2,3	42,9	Республика Калмыкия 55,9	Республика Крым 41,5	1,3
Северо-Кавказский федеральный округ	31,6	Ставропольский край 36,8	Кабардино-Балкарская Республика 7,5	4,9	16,2	Республика Дагестан 21,0	Кабардино-Балкарская Республика 11,1	1,9	48,7	Республика Дагестан 66,4	Чеченская Республика 30,7	2,2
Приволжский федеральный округ	28,3	Ульяновская область 63,5	Пензенская область 7,9	8,0	13,8	Ульяновская область 24,8	Саратовская область 5,2	4,8	54,3	Ульяновская область 110,6	Республика Марий Эл 32,2	3,4
Уральский федеральный округ	41,0	Ямало-Ненецкий АО 76,7	Свердловская область 31,4	2,4	12,2	Ямало-Ненецкий АО 34,1	Свердловская область 6,8	5,0	56,4	Ямало-Ненецкий АО 117,6	Свердловская область 43,3	2,7
Сибирский федеральный округ	35,1	Томская область 59,8	Кемеровская область 6,2	9,6	13,0	Томская область 28,6	Кемеровская область 4,9	5,8	52,3	Республика Алтай 84,6	Кемеровская область 25,4	3,3
Дальневосточный федеральный округ	38,8	Чукотский автономный округ 69,3	Магаданская область 12,9	5,4	15,6	Чукотский автономный округ 29,4	Магаданская область 3,7	7,9	56,4	Чукотский автономный округ 98,0	Еврейская автономная область 32,4	3,0

Источник: Министерство здравоохранения РФ. Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ». Сельское здравоохранение России в 2021 году (статистические материалы), 2022. [4]

Формирование устойчивого социально-экономического развития гетерогенных сельских территорий России посредством сельского агломерирования вошло в фокус государственной аграрной политики, получило системное теоретико-методологическое и практическое обоснование в документах исполнительной власти. Устранение неравенства населения сельских территорий России в доступе к медицинской помощи, формирование устойчивого развития сельского здравоохранения на основе использования преимуществ агломерирования сельских территорий стало ключевым направлением реализации национальных целей России и получило полноценное отражение в документации исполнительной власти. В «Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года» деятельность сельского населения получила определение важнейшего стратегического ресурса, обеспечивающего продовольственную безопасность России. В Стратегии были выявлены обострившиеся демографические проблемы российского села. В числе основных причин оттока населения из сельских территорий России указывалось на низкие параметры качества жизни сельского населения. В Стратегии определены цели государственной политики, основными из которых является создание благоприятных социально-экономических условий и повышение качества жизни населения сельских территорий, необходимое для выполнения его основной экономической функции [5]. В 2019 году была утверждена «Программа развития сельских террито-

рий», содержащая конкретизацию основных положений, изложенных в «Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ» [6].

С 2017 по 2022 годы был разработан ряд документов исполнительной власти, содержащих нормативно-правовые основы формирования устойчивого развития сельского здравоохранения и устранения неравенства доступа населения сельских территорий к медицинской помощи. Эти задачи рассматривались как национальные цели развития России. Были выделены средства на модернизацию медицинских организаций в опорных населенных пунктах сельских агломераций. Таким образом, в управление сельским здравоохранением был введен принцип государственного регулирования развития сельского здравоохранения в условиях сельского агломерирования.

В Указе Президента РФ от 6 июня 2019 года №254 «О Стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на период до 2025 года» [7], Постановлении Правительства РФ от 26 декабря 2017 года №1640 (с изменением на 24 марта 2022 года) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [8], Постановлении пр-ва РФ от 9 октября 2022 года «Об утверждении принципов модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации и Правил проведения экспертизы проектов региональных программ мониторинга и контроля над реализацией региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения» [9], обоснован приоритет модернизации сельского здравоохранения - обеспечение в сельских территориях России доступности и высокого качества первичной медико-санитарной помощи. В Постановлении Правительства РФ от 26 декабря 2017 года подчеркнуто, что в числе сельских территорий России имеются населенные пункты с численностью населения от 101 до 2000 человек, населению которых недоступна медицинская помощь первичного звена здравоохранения [9].

В Постановлении Правительства РФ от 9 октября 2019 года указано на необходимость развертывания сетей первичного звена медицинской помощи в сельских территориях России [10].

В «Стратегии пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года» разработаны основы государственной политики агломерирования сельских территорий и обоснована необходимость приоритетного формирования устойчивой системы сельского здравоохранения с целью устранения неравенства населения сельских агломераций в доступе к медицинской помощи [10].

В 2022 год были разработаны рекомендации по критериям выделения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий [11].

Для реализации принципа государственного регулирования развития сельского агломерирования разработана и внедрена в практику государственной политики Концепция опорных населенных пунктов [12,13,14]. Концепцию опорных населенных пунктов было предложено реализовывать посредством разработки в каждой сельской агломерации планов долгосрочного социально-экономического развития [12 - 14].

В 2024 году был сформирован список опорных населенных пунктов, включающий 2180 опорных населенных пунктов [15]

Организационный этап агломерирования сельских территорий России был завершен составлением списка опорных населенных пунктов и знаменовал переход ко второму этапу развития сельских агломераций - разработке планов долгосрочного социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих территорий, являющихся основным инструментом управления развитием сельских агломераций. На основе конкурсной оценки представленных долгосрочных планов социально-экономического развития сельских агломераций опорным населенным пунктам будет предоставляться целевое финансирование. Введение в государственную политику требования разработки в каждой сельской агломерации планов долгосрочного социально-экономического развития свидетельствует о векторе направленности государственной политики управления развитием сельских агломераций к объективному учету и реализации потребностей населения каждой сельской агломерации в сфере труда, быта, потребления основных социальных благ. Одним из приоритетных направ-

лений обеспечения устойчивого развития сельских агломераций стало устранение неравенства доступа населения сельских агломераций к медицинской помощи.

Протяженность сельской местности России, различающиеся условия ведения сельского хозяйства в ее сельских территориях, существенные различия показателей плотности населения в сельских территориях России, многообразие моделей сельского расселения в ее климатических зонах требуют разнообразных методологических подходов к планированию устойчивых систем сельского здравоохранения в сельских агломерациях.

В сельских агломерациях, расположенных в густонаселенных зонах России с благоприятными условиями ведения сельского хозяйства, к которым относятся, например, сельские территории предгорий Кавказа, Воронежской и других черноземных областей, вполне достаточной представляется разработка долгосрочных планов социально-экономического развития сельских агломераций, включающая планирование структуры и размещения медицинских организаций в сельских агломерациях. В этих зонах расположены медицинские организации, территориально-транспортная и временная доступность которых для населения прилегающих территорий примерно соответствует индикаторам, параметрам и целевым ориентирам, указанным в «Методических рекомендациях по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» [11].

В планировании размещения медицинских организаций в сельских агломерациях применяются различные модели устранения неравенства сельского населения в доступе к медицинской помощи. Например, в сельских агломерациях республики Татарстан медицинские организации сосредоточены в опорных населенных пунктах, а устранение неравенства населения агломераций в доступе к медицинской помощи достигается ускоренным развитием дорожной сети круглогодичного использования [16].

Особенность предлагаемой методологии разработки схем размещения медицинских организаций в сельских агломерациях состоит в требовании сохранения функционирующих в сельских агломерациях медицинских организаций и их дополнения медицинскими организациями, необходимыми для устранения неравенства населения сельских агломераций в доступе к медицинской помощи. Подобный подход соответствует методологии управления развитием сельских агломераций, изложенным в документах исполнительной власти.

Первый этап разработки схемы размещения медицинских организаций в сельских агломерациях связан с измерением фактического влияния медицинских организаций, расположенных в опорных населенных пунктах на прилегающие сельские территории. Рекомендуются использование количественных методов, разработанных отечественными авторами, позволяющих оценить развитость сельских агломераций, дать количественную оценку транспортной взаимосвязи прилегающих территорий с опорным населенным пунктом, определить направления эффективного развития каждой агломерации [17 -20].

Второй этап включает:

- характеристику текущего состояния объектов здравоохранения, расположенных в ОНП (численность объектов, всего, из них объектов, требующих ремонта, реконструкции);
- развернутый анализ наличия медицинской техники (ед), больничных коек (ед); медицинских кадров, в т.ч. врачей, среднего медперсонала, чел. (с динамикой и прогнозом) в медицинских организациях, сосредоточенных в опорных населенных пунктах;
- анализ демографической ситуации населения прилегающих территорий, имеющих доступ к медицинской помощи организаций, расположенных в опорных населенных пунктах, в том числе показателей рождаемости, смертности, структуры возрастных групп, чел. (с динамикой и прогнозом);
- анализ численности пациентов, получивших амбулаторную медицинскую помощь, в том числе - доврачебную и врачебную, в медицинских организациях, сосредоточенных в опорных населенных пунктах, помощь, оказанную средствами скорой медицинской помощи, специализированную медицинскую помощь, в том числе – высокотехнологичную медицинскую помощь в опорных населенных пунктах, (с динамикой и прогнозом), чел.

На третьем этапе разработки схем размещения медицинских организаций, обеспечивающих устранение неравенства доступа населения сельских агломераций к медицинской

помощи, рекомендуется выявление и учет притяжения медицинских организаций, функционирующих вне опорных населенных пунктов - в малых городах, поселках городского типа, крупных селах в составе сельской агломерации. Например, для населения групп сельских населенных пунктов, расположенных на небольших расстояниях, рассчитанное по приведенной формуле. Для этих медицинских организаций рекомендуется проведение анализа, предложенного в рамках первого этапа размещения сетей медицинских организаций в сельских территориях.

Четвертый этап разработки схем расположения медицинских организаций, обеспечивающих устранение неравенства доступа населения прилегающих территорий в составе сельских агломераций к медицинской помощи, состоит в учете медицинских организаций, оказывающих населению сельских населенных пунктов амбулаторную доврачебную и врачебную помощь. Рекомендуется проведение анализа соответствия вида медицинской организации (ФАП, ФП, врачебная амбулатория и т.д.) потребностям населения в оказании медицинской помощи; анализ технической и кадровой обеспеченности видов медицинских учреждений, предоставляющих населению медицинскую помощь амбулаторно.

Завершающим этапом разработки схем размещения медицинских организаций в сельских агломерациях является разработка схем расположения медицинских организаций для населения прилегающих сельских территорий в составе агломераций, население которых лишено доступа к медицинской помощи в опорных населенных пунктах. Согласно позиции, изложенной в нормативно-правовых актах исполнительной власти, приоритетное значение в условиях сельского агломерирования приобретает разработка схем размещения медицинских организаций первичного звена сельского здравоохранения, включающих поддержку существующих, восстановление и строительство новых организаций первичного звена здравоохранения адаптированных к численности населения, демографической структуре и показателям заболеваемости населения, расположенных в составе сельских агломераций.

В сельских населенных пунктах, расположенных вне сферы влияния опорных населенных пунктов с населением, лишенным доступа к медицинской помощи, представляется необходимым размещение медицинских организаций, оказывающих амбулаторную доврачебную и врачебную медицинскую помощь, соответствующих не только численности их населения, как это указывалось в нормативных актах, но и возрастным особенностям населения, показателям заболеваемости, в том числе – профессиональной. К таким объектам могут быть отнесены домовые хозяйства с правом оказания доврачебной медицинской помощи, ФАПы, фельдшерские здравпункты, кабинеты общеврачебной практики, врачебные амбулатории и другие медицинские организации, оказывающие населению амбулаторную медико-санитарную помощь. Так, домовые хозяйства с правом оказания доврачебной медицинской помощи или фельдшерские пункты могут быть размещены в мелких населенных пунктах с численностью населения несколько десятков человек с низкими показателями заболеваемости. К ним отнесены мелкие населенные пункты, расположенные далеко друг от друга и не имеющие дорожной сети, связывающей их с опорными населенными пунктами. Использование выездных бригад скорой медицинской помощи будет эффективным для населения отдаленных прилегающих территорий в составе агломераций, связанных с Центральными районными больницами, расположенными в опорных населенных пунктах надежной дорожной сетью. Группы сельских населенных пунктов с неразвитой дорожной сетью, расположенные на небольших расстояниях друг от друга, должны быть обеспечены участковыми больницами с небольшим парком машин скорой медицинской помощи, расположенными в населенных пунктах, территориально доступных для всего населения. В группах близко расположенных населенных пунктов с высокими показателями заболеваемости, низкой продолжительностью жизни необходимы медицинские организации, чья деятельность выходит за границы отдельных сельских агломераций. Это крупные межмуниципальные медицинские центры, обслуживающие население нескольких сельских агломераций.

Выводы

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки планов долгосрочного социально-экономического развития сельских агломераций. Существен-

ным ограничением дальнейшей разработки проблемы является отсутствие, как методологического аппарата, так и расширенных актуальных статистических данных в разрезе муниципалитетов регионов, позволяющего разработать типологию агломераций. Также не разработаны модели сельских, сельско-городских, пригородных агломераций, соответствующие выявленным типам агломераций. Не выявлены количественные и качественные индикаторы, критерии и нормативы, позволяющие провести научное обоснование эффективного размещения медицинских организаций в сельских агломерациях, расположенных в неблагоприятных для ведения сельского хозяйства климатических зонах. Результаты разработок могут быть включены в документы исполнительной власти для уточнения целей здравоохранительной политики в сельских агломерациях. Их применение будет содействовать формированию научно обоснованных планов долгосрочного социально-экономического развития сельских агломераций.

Список источников

1. Козырева П. Н., Смирнов А. И. Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. № 4(7). С 33-49.
2. Колесников А. В. Здравоохранение в сельской местности // Вестник сельского развития и социальной политики. 2019. № 3(23). С. 30-37.
3. Улумбекова Г. Э. Предложения по реформе здравоохранения РФ после завершения пика пандемии COVID-19 // Журнал для непрерывного медицинского образования ОРГ-ЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. № 2(6). С. 9-26.
4. Сельское здравоохранение России в 2021 году (статистические материалы). 2022
5. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 года, №151-р. - URL: <http://government.ru/docs/all/157308/>
6. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. N 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/72260516/?ysclid=miu9oqybgd901551694>
7. Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 г. №254 «О Стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на период до 2025 года». - URL: <https://base.garant.ru/72264534/>
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. №1640 (с изм. на 24 марта 2022 г.). «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения». - URL: <https://base.garant.ru/71848440/>
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 2019 г. №1304 «Об утверждении принципов модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации и Правил проведения экспертизы проектов региональных программ мониторинга и контроля за реализацией региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения». - URL: <https://base.garant.ru/72833114/>
10. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 года №4146-р. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=mpo0zqk52v44356725>
11. Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 года N 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий». - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/>
12. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Литра Е. Н. Опорные населенные пункты как институт комплексного развития сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. №2 (404) (68). С. 169-173
13. Агаева Л. К. Формирование долгосрочных планов развития сельских агломераций // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2024. № №2(74) (19). С. 113–121.

14. Ремизова А. А., Ягодина Н. В. Агломерации как вектор устойчивого развития сельских территорий // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 12(14). С. 7369–7384.
15. Министерство экономического развития Российской Федерации. Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/
16. Егоров Д. О., Николаев Р. С. Эффективность пространственно-временной организации социальной инфраструктуры на примере системы здравоохранения республики Татарстан // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 2(27). С. 1-11.
17. Кабанов В. Н., Михайлова Е. В. Агломерация сельских поселений как стратегия социально-экономического развития территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 11(16). С. 2092-2107.
18. Ворошилов Н. В. Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием // Развитие территорий. 2022. № 1. С. 51—58.
19. Уляева А. Г. Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12. С. 17-27.
20. Шпенглер А. В., Сметанина А. И., Колесова Ю. А., Бармина Е. А., Савельева Н. К., Созинова А. А. Развитие городских агломераций Приволжского федерального округа: сравнительный анализ // Креативная экономика. 2023. № 3(17). С. 901–920.

References

1. Kozyreva, P.N. and Smirnov, A.I. (2018) Problems of medical care in rural areas, *Humanitarian of the South of Russia*, (4(7)), pp. 33–49. (In Russ)
2. Kolesnikov, A.V. (2019) Healthcare in rural areas, *Bulletin of Rural Development and Social Policy*, (3(23)), pp. 30–37. (In Russ)
3. Ulumbekova, G.E. (2020) Proposals for the reform of healthcare in the Russian Federation after the peak of the COVID-19 pandemic, *Journal for Continuing Medical Education ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the Higher School of Healthcare Organization and Management*, (2(6)), pp. 9–26. (In Russ)
4. Rural Healthcare of Russia in 2021 (statistical materials)(2022).
5. Strategy for the Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the Period up to 2030. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of 2 February 2015, No. 151-r. Available at: <http://government.ru/docs/all/157308/>
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 31 May 2019 No. 696 «On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Comprehensive Development of Rural Territories and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation». Available at: <https://base.garant.ru/72260516/?ysclid=miu9oqybgd901551694>
7. Decree of the President of the Russian Federation of 6 June 2019 No. 254 «On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the Period up to 2025». Available at: <https://base.garant.ru/72264534/>
8. Decree of the Government of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 1640 (as amended on 24 March 2022). «On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Healthcare Development». Available at: <https://base.garant.ru/71848440/>
9. Decree of the Government of the Russian Federation of 9 October 2019 No. 1304 «On Approval of the Principles of Modernization of the Primary Healthcare Sector of the Russian Federation and the Rules for Conducting Expert Review of Draft Regional Programs for Monitoring and Control over the Implementation of Regional Programs for the Modernization of the Primary Healthcare Sector». Available at: <https://base.garant.ru/72833114/>
10. Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2036. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of

28.12.2024 No. 4146-r. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=mpo0zqk52v44356725>

11. Order of the Government of the Russian Federation of 23 December 2022 No. 4132-r «On Approval of Methodological Recommendations on Criteria for Determining Supporting Settlements and Adjacent Territories». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/>

12. Artemova, E.I., Plotnikova, E.V. and Litra, E.N. (2025) Supporting settlements as an institution for the comprehensive development of rural territories, *International Agricultural Journal*, (2(404) (68)), pp. 169–173. (In Russ)

13. Agaeva, L.K. (2024) Formation of long-term development plans for rural agglomerations, *Bulletin of the Kazan State Agrarian University*, (2(74) (19)), pp. 113–121. (In Russ)

14. Remizova, A.A. and Yagodina, N.V. (2024) Agglomerations as a vector for sustainable development of rural territories, *Economics, Entrepreneurship and Law*, (12(14)), pp. 7369–7384. (In Russ)

15. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Unified List of Supporting Settlements of the Russian Federation. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/direCTIONS/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennykh_punktov_rf/

16. Egorov, D.O. and Nikolaev, R.S. (2017) Efficiency of the spatial-temporal organization of social infrastructure on the example of the healthcare system of the Republic of Tatarstan, *Bulletin of Udmurt University*, (2(27)), pp. 1–11. (In Russ)

17. Kabanov, V.N. and Mikhailova, E.V. (2018) Agglomeration of rural settlements as a strategy for socio-economic development of territories, *Regional Economics: Theory and Practice*, (11(16)), pp. 2092–2107. (In Russ)

18. Voroshilov, N.V. (2022) Criteria for identifying rural agglomerations and the mechanism for managing their development, *Development of Territories*, (1), pp. 51–58. (In Russ)

19. Ulyayeva, A.G. (2016) Analysis of methodological approaches to identifying agglomeration formations, *Regional Economics: Theory and Practice*, (12), pp. 17–27. (In Russ)

20. Shpengler, A.V., Smetanina, A.I., Kolesova, Yu.A., Barmina, E.A., Savelyeva, N.K. and Sozinova, A.A. (2023) Development of urban agglomerations of the Volga Federal District: a comparative analysis, *Creative Economy*, (3(17)), pp. 901–920. (In Russ)

Информация об авторе

*В.Н. Рубцова – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института аграрных проблем – обособленного структурного
подразделения Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»;*

Information about the author

*V.N. Rubtsova – Doctor of Economic Sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy.*

*Статья поступила в редакцию 29.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 16.09.2026 г.;
принята к публикации 25.09.2026 г.*

*The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 16.09.2026;
accepted for publication 25.09.2026.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 38-49.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 38-49.

Научная статья
УДК 314.5

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Анна Александровна Вяльшина

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, anvyal@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены особенности разработки системы социальных параметров устойчивого развития сельских территорий в ситуации социально - экономической нестабильности. На основе исследования подходов к сущности понятия «социальные параметры», их измерению и степени обоснованности актуальными нормативно-правовыми документами выявлены особенности их применения для исследования различных аспектов устойчивости сельских территорий (в сочетании с экологическими ресурсами, здоровьем и благополучием населения, уровнем счастья и др.). Разработана система оценочных показателей устойчивого развития сельских территорий на основе анализа экономической, экологической, социальной и инфраструктурной устойчивости. Предложенная система показателей позволяет осуществлять экономико-математический анализ происходящих процессов для изучения динамики устойчивости, выявления и моделирования драйверов, факторов и барьеров устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские территории, социальные параметры, система показателей/

Для цитирования: Вяльшина А.А. Обоснование социальных параметров устойчивого развития сельских территорий в условиях глобальной нестабильности // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 38-49.

Original article

SUBSTANTIATION OF SOCIAL PARAMETERS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES UNDER CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

Anna A. Vyalshina

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

Abstract. The paper examines the specifics of developing a system of social parameters for the sustainable development of rural territories in a situation of socio-economic instability. Based on a study of approaches to the essence of the concept of "social parameters," their measurement, and the degree to which they are substantiated by current regulatory and legal documents, the features of their application for studying various aspects of the sustainability of rural territories (in

combination with ecological resources, health and well-being of the population, the level of happiness, etc.) are identified. A system of assessment indicators for the sustainable development of rural territories has been developed based on an analysis of economic, ecological, social, and infrastructural sustainability. The proposed system of indicators makes it possible to carry out an economic-mathematical analysis of ongoing processes in order to study the dynamics of sustainability, identify, and model the drivers, factors, and barriers to sustainable development.

Keywords: sustainable development, rural territories, social parameters, system of indicators/

For citation: Vyalshina A.A. Substantiation of Social Parameters of Sustainable Development of Rural Territories under Conditions of Global Instability. *Regional Agro-Systems: Economics and Sociology*. 2026;(3):38-49. (In Russ)

Введение

Сельская территориальная система представляет собой разновидность социально-экологической системы, локализованной в сельской местности. Сельская территориальная система состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, включая человеческое сообщество, экономические условия, ресурсную базу территории и экологическую среду. Повышение устойчивости сельской территориальной системы имеет основополагающее значение для благополучия человека и социально-экономического развития, а также способствует прогрессу в достижении целей устойчивого развития. Однако в условиях глобальных изменений окружающей среды, быстрой урбанизации и индустриализации многие сельские территориальные системы претерпевают глубокие преобразования, реструктуризацию или даже упадок. Даже в развитых странах, где произошло функциональное обновление и реструктуризация сельских территорий, сохраняются различия между городами и сельской местностью, а также консервируются неравные возможности, неадекватное качество услуг и бедность, расширяется трудовая миграция и депопуляция, наблюдается чрезмерная эксплуатация ресурсов.

Концепция устойчивого развития сельских территориальных систем (The rural territorial system (RTS)) первоначально сосредоточилась на смягчении экологических последствий, возникающих в результате сельскохозяйственного производства. Последующие международные дискуссии, включая концепцию устойчивого сельского хозяйства и развития сельских районов, разработанную ФАО, расширили масштаб задач, чтобы сбалансировать продовольственную безопасность с созданием рабочих мест, сокращением бедности и защитой природных ресурсов. Впоследствии устойчивость сельских территориальных систем все чаще стала пониматься как многомерная конструкция, интегрирующая экономические, социальные и экологические аспекты. Применялись различные оценочные модели, включая экономико-социально-экологическую, модель «население – экономика – инфраструктура - ресурсы», модель устойчивого жизнеобеспечения и другие [1]. Однако многие исследователи до сих пор рассматривают устойчивость как некое идеальное состояние или набор предпосылок для эффективного функционирования сельской территориальной системы, нацеленной на обеспечение баланса между поддержанием жизнеспособности сообществ, рациональным использованием ресурсов, стабильным социально-экономическим развитием и здоровой экологической средой.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании системы социальных параметров устойчивого развития сельских территорий России в современных условиях социально - экономической нестабильности.

Методы исследования

Основным методом исследования является систематический обзор зарубежной и отечественной литературы (статей, аналитических обзоров, монографий). Главными задачами исследования послужили: уточнение терминологического аппарата исследования, обоснование имеющихся подходов к разработке социальных параметров устойчивого развития сельских территорий международными и отечественными нормативно-правовыми документами, вы-

явление предпосылок для поиска новых аналитических подходов, разработка примерной схемы оценочных показателей устойчивого развития сельских территорий РФ.

Результаты исследования ***Понятие социальных параметров***

Изначально термин «параметр» (от др.-греч. *παράμετρος* — «отмеривающий»; где *παρά*: «второстепенный», «вспомогательный», «подчинённый»; и *μέτρον*: «измерение») означал величину, значения которой служат для различения элементов некоторого множества между собой. Параметр - свойство, количественный признак объекта или системы, которое можно измерить. Результатом измерения параметра системы является его величина, а саму систему можно рассматривать как множество параметров, которые исследователь считает необходимым измерить для моделирования её поведения. Параметр в технике - измеряемая величина, являющаяся существенной характеристикой состояния системы, явления, процесса. Согласно Большому толковому словарю русских существительных – это величина, характеризующая какое-либо основное свойство предмета.

В настоящее время в документах государственного управления и научных публикациях преобладает подход, когда в качестве социальных параметров устойчивого развития рассматриваются области и направления деятельности, приоритетность которых определяется его целями. Большинство сформулированных Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), определенных на период до 2030 г., являются социальными (ликвидация нищеты и голода, доступность здравоохранения, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа, снижение неравенства, партнерство и т. д.), при этом достижение остальных (экономических и экологических) должно способствовать реализации социальных целей. С этой точки зрения социальные параметры отражают важнейшие области жизнедеятельности общества, с одной стороны - непосредственно связанные с благосостоянием и социальным равенством, человеческим и социальным капиталом, а с другой – нацеленные на выявление социальных рисков и проблем, без устранения которых достижение устойчивого развития на практике недостижимо. Высокая степень агрегирования социальных параметров делает их универсальными и позволяет адаптировать с учетом специфики той или иной страны/региона, а также собирать и обобщать большой массив статистической информации.

Социальные параметры устойчивого развития - это ключевые аспекты, которые определяют качество жизни людей, социальную стабильность и справедливость в обществе. Они отражают условия, ресурсы и возможности, необходимые для реализации воспроизводственных процессов, долгосрочного развития, баланса экономической эффективности и социальной справедливости. Это обобщенные характеристики устойчивого развития, представляющие собой базовые ресурсы и возможности индивидов, детерминирующие их благополучие и социальное самочувствие, а, по сути, являющиеся социальными императивами общественного воспроизводства. Что касается индикаторов, то они представляют собой показатели степени реализации прав, возможностей и способностей населения для формирования условий для индивидуального и общественного устойчивого развития (доступность, неравенство, уязвимость, дифференциация, устойчивость, жизнестойкость и т.п.).

Специфика социальных параметров устойчивого развития сельских территорий состоит в том, что это набор измеряемых индикаторов, отражающих комфортность и безопасность проживания в сельской местности, наличие у сельского населения ресурсов и возможностей для развития, самореализации и доступа к благам. По сути, социальные параметры выступают индикаторами того, насколько успешно территория решает ключевые задачи своего устойчивого развития: сохраняет население, обеспечивает достойные условия жизни, сохраняет культурное наследие и создаёт возможности для развития экономики.

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ до 2030 года закреплены конкретные целевые показатели, достижение которых будет способствовать переходу к устойчивому развитию сельских территорий РФ:

- стабилизация численности сельского населения на уровне 35 млн. человек;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни сельского населения до 75,6 года;
- уменьшение миграционного оттока сельского населения до 74,1 тыс. человек;
- повышение уровня занятости сельского населения до 65,5%;
- рост отношения заработной платы в сельском хозяйстве к среднему значению по экономике страны до 80%;
- увеличение соотношения среднедушевых располагаемых ресурсов сельских и городских домохозяйств до 90%;
- увеличение общей площади жилых помещений на одного жителя в сельских населённых пунктах до 33 м²;
- увеличение удельного веса жилых помещений, оборудованных всеми видами благоустройства, до 45%;
- повышение доли сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, до 37,3%;
- увеличение доли сельских домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернет с домашнего компьютера, до 85%.

Таким образом, социальные параметры устойчивого развития сельских территорий - это не просто набор цифр, а комплекс мер, направленных на то, чтобы сделать жизнь на селе комфортной, сохранить её привлекательность для жителей и обеспечить выполнение сельскими территориями своих общенациональных функций.

Особенности измерения социальных параметров

В зарубежных исследованиях широко распространены примеры количественной оценки социально-экономических аспектов устойчивого развития. К примеру, Раворт предложила рассматривать 11 социальных основ устойчивого развития (вода, энергия, еда, здоровье, образование, работа и доход, мир и правосудие, политическое участие, социальная справедливость, гендерное равенство, жильё, социальные связи) в сочетании с девятью экологическими ограничениями, определяемыми планетарными границами (изменение климата, химическое загрязнение, загрязнение воздуха, закисление океана, накопление азота и фосфора, озоновые дыры, утрата биоразнообразия, забор пресной воды, преобразование земель) [2]. Это позволило автору разработать концепцию «Экономики пончика» (Doughnut economics), предложившую радикально новый подход к пониманию устойчивого развития, сместив фокус с бесконечного роста ВВП на создание системы, которая бы одновременно обеспечивала благополучие всех людей и сохраняла стабильность природных систем планеты. Диринг и соавторы предложили новую концепцию определения безопасного и справедливого пространства для человечества, которая включает социальное благополучие в систему планетарных границ, чтобы оценить уровень социального благополучия и состояние экологических процессов, сосуществующих в социально-экологической системе региона [3]. Позднее Луукканен и соавторы использовали концепцию социальных основ для определения минимального уровня экономического развития, необходимого для обеспечения устойчивого социального развития, и максимального уровня, достижимого без превышения экологических ограничений [4]. Авторы соединили две концепции устойчивого развития для одновременного анализа трех измерений: метод «окна устойчивости» (Sustainability Window) для определения диапазона темпов экономического роста, которые не нарушают социальные и экологические ограничения, а также количественной оценки модели «экономики пончика» (doughnut economy) с выявлением границ экономического развития в соответствии с социальными целями и экологическими пределами. Такой комплексный подход помогает выявлять дисбалансы, находить точки для сбалансированных политических решений и отслеживать динамику изменений во времени.

Что касается Целей устойчивого развития (ЦУР), принятых в 2015 году, то они являются воплощением глобальной концепции развития человеческого потенциала. Они предостав-

ляют более широкий набор социально-экономических целей и показателей, при этом цели с 1 по 12 и 16 охватывают различные социальные компоненты устойчивого развития. В частности, показатели № 1 («Ликвидация нищеты») и № 2 («Ликвидация голода») охватывают такие аспекты, как: бедность, социальная защита, доступ к базовым услугам, уязвимость перед стихийными бедствиями, продовольственная безопасность, питание, доходы, доступность продовольствия. Показатели для цели № 3 («Хорошее здоровье и благополучие») измеряют факторы, связанные с охраной здоровья, заболеваемости инфекционными заболеваниями, доступом к медицинским услугам. Эти показатели используются для установления стандартов обслуживания, разработки стратегий и формирования политики. Другие социально-экономические цели и показатели устойчивого развития связаны с образованием (цель 4), гендерным равенством (цель 5), водоснабжением и санитарией (цель 6), энергетикой (цель 7), экономикой (цели 8, 9, 10 и 12), неравенством (цель 11) и построением открытого общества (цель 16).

Помимо показателей, используемых в устоявшихся концепциях и подходах, были разработаны другие социально-экономические показатели человеческого развития и устойчивости. Благополучие человека зачастую является компонентом других концепций. Например, в литературе по «зеленому» росту рассматриваются аспекты благополучия, связанные с экономическим ростом и развитием в контексте экологических ресурсов, а концепции «экологического здоровья» и «экологического следа» рассматривают благополучие в связи со здоровьем человека и окружающей средой [5]. В последующем исследовании расширили возможности измерения социально-экономической устойчивости, включив в них такие аспекты, как взаимосвязь между качеством жизни, здоровьем и местом жительства [6], удовлетворённостью жизнью [7], изучалась взаимосвязь между счастьем и долголетием [8].

Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) измеряет благополучие отдельных лиц, используя доход и богатство в качестве показателей материальных условий жизни, а также здоровье, образование, социальные связи, окружающую среду и субъективное благополучие в качестве показателей качества жизни. Недавно разработанная ОЭСР панель мониторинга благополучия также включает психическое здоровье и личные отношения. Однако в имеющихся нормативных документах по-прежнему отсутствует стандартный и общепринятый набор показателей благополучия, особенно тех, которые измеряют счастье.

Социально-экономические противоречия, препятствующие стандартизации показателей устойчивого развития

Концепция устойчивого развития с самого ее появления сопровождалась критикой. Научное и экспертное сообщества обращают внимание на ее противоречия, а именно - на общие целевые ориентиры для развитых и развивающихся стран при отличающемся уровне развития, на парадоксы и коллизии между разными ЦУР, когда достижение одной цели препятствует разрешению другой. К примеру, экономический рост (ЦУР 8) напрямую влияет на изменение климата (ЦУР 13) и ресурсное потребление (ЦУР 12), создавая большую нагрузку на окружающую среду.

Эксперты признают, что Цели устойчивого развития, принятые Генеральной ассамблеей ООН на 2030 г., не выполняются. Лишь 18% из 169 поставленных в рамках ЦУР задач сегодня находятся на траектории выполнения к 2030 г., почти половина задач имеют недостаточный прогресс, а 17% и вовсе регрессируют [9]. Отмечается, что проблемы недостижения целей развития связаны, во-первых, с ключевыми особенностями мировой экономики на современном этапе; во-вторых, с тем, что выбранный инструмент решения проблем развития (постановка глобальных целей ООН и их интеграция в процесс принятия политических решений на разных уровнях), как минимум, недостаточен, а скорее всего не соответствует текущим вызовам.

На сегодняшний день эксперты отмечают несколько ключевых противоречий для реализации Целей устойчивого развития. Во-первых, это появление новых вызовов - пандемия

коронавируса, быстрое развитие цифровых технологий, роботизация, внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни, производства и управления и т.п. Во-вторых, отмечается обусловленность большинства современных социальных проблем реализуемыми моделями экономического развития стран. В результате, неотъемлемой чертой капитализма XXI века становится усугубление неравенства, усиленное масштабным развитием цифровизации. Невозможность обеспечения разрыва связей (декаплинг) между экономическим ростом и деградацией окружающей среды форсирует общее разочарование в принципах гармонизации экологии, социальной политики и корпоративного управления (ESG). Невозможно игнорировать и факт колоссальных структурных сдвигов в глобальном масштабе.

Назревает вопрос о переосмыслении подходов к пониманию развития и той оптики, через которую рассматриваются его современные проблемы, о переносе акцента на возможности ответственного развития. В целом акценты смещаются в сторону «альтернативы устойчивому развитию». Наблюдается парадокс: сама идея устойчивого развития родилась как попытка найти баланс, но на практике между экономическими целями и социальными последствиями часто возникают противоречия. Например, связанные с необходимостью обеспечения экономического роста и поддержанием социальной справедливости. Или увеличение ресурсоемкости производственной деятельности и доступности благ. Многие экономические модели приводят к сверхэксплуатации природных ресурсов, что в долгосрочной перспективе подрывает саму основу этого роста (деградация окружающей среды, риски для здоровья, снижение качества жизни). Еще одним моментом является противоречие целей устойчивого развития коммерческим интересам бизнеса, вытекающее в его неготовность нести социальную ответственность. Более того, рыночная логика часто ориентирована на краткосрочные результаты и быструю окупаемость. Инвестиции в «зелёные» технологии или охрану природы могут требовать крупных вложений на старте, а выгоды проявятся лишь через годы. Еще одним серьезным противоречием является несоответствие разных траекторий развития стран глобальным стандартам. Страны находятся на разных уровнях экономического развития и то, что для развитой страны может быть шагом к устойчивости (переход к «зелёной» энергетике), для развивающейся - это ещё далёкая цель, требующая колоссальных ресурсов. Возникает риск, что глобальные цели устойчивого развития будут реализовываться неравномерно: одни государства достигнут их, а другие лишь формально присоединятся, не решив свои базовые социальные задачи.

В современных научных работах уже накоплен немалый опыт применения и получения эмпирических материалов с использованием альтернативных исследовательских концептов. Интересные результаты получены группой китайских исследователей, которые адаптировали концепцию устойчивого развития сельских территорий (sustainable rural development) и сместили акцент на способности сельской системы к самоорганизации для снижения зависимости от внешних факторов [10]. Авторы создали концептуальную модель сельской устойчивости (rural sustainability), интегрирующую элементы региональной экономической системы с социальными элементами, выделив 2 категории факторов: внутренние элементы (географическое положение, капитал в различных формах) и внешние связи (институциональные механизмы, макроэкономическая среда, стратегии и практики развития на микроуровне).

Ф.Су с соавторами разработали систему оценки резильентности сельских районов и выделили 5 типов их развития по преобладанию одного из пяти основных факторов (природного капитала, производственного капитала, человеческого капитала, социального капитала и финансового капитала, а также эффективности государственного управления) [11]. В результате была получена картина пространственно-временной эволюции устойчивости сельских районов, а также с использованием индекса резильентности (Rural Resilience Index) получена возможность охарактеризовать пространственную неоднородность с выявлением «холодных» и «горячих» зон резильентности сельских районов.

Результаты отечественных исследователей показывают, что предпосылками резильентности сельских территорий России в условиях современной экономической неопределенно-

сти выступают: имеющийся ресурсный потенциал, отраслевая специфика, а также традиционный уклад региональной аграрной экономики [12]. Авторы предлагают методику исследования резильентности сельских территорий Пермского края на основе оценки трех направлений развития сельских территорий региона: социального, экономического и экологического. А.В. Агibalов с соавторами предлагают сценарный подход как основу дифференциации типа развития сельских территорий: (высоко-устойчивого, устойчивого и неустойчивого) [13]. В результате исследования можно не только определить достигнутый уровень устойчивости, но и составить прогноз достижимого сценария развития согласно Стратегии социально-экономического развития сельских территорий РФ.

Концепция пространственной устойчивости (Spatial Resilience) представляет аналитический аппарат для исследования способности сельских систем сохранять устойчивость и адаптироваться к новым условиям за счет специфических взаимодействий пространственных факторов и/или за счет их сочетания. Данный концепт позволяет изучить пространственную изменчивость, понять особенности их интегрированных проявлений и механизмов устойчивости в сельской местности на основе включения в анализ пространственного расположения, природного капитала, показателей связанности пространства, а также соотношения внутренних и внешних компонентов [14].

Интересен также опыт китайских исследователей по применению концепции уязвимости сельских территорий для оценки потенциальных угроз, связанных с множественными рисками [15]. Они не только систематизировали теоретические представления об уязвимости сельских территорий, но и оценили уровень уязвимости по таким критериям, как: подверженность воздействию, чувствительность и адаптационный потенциал; а также проанализировали механизмы, определяющие эти процессы, с учетом пространственно-временной неоднородности.

Разработка системы социальных показателей устойчивого развития сельских территорий

В научной практике применяются различные подходы к оценке устойчивого развития сельских территорий. Популярны пространственный подход, нацеленный на анализ как разных типов пространств (производственных, жилых и экологических), так и отдельных населенных пунктов или деревень, на основании которых разрабатываются соответствующие системы показателей устойчивости с выделением индикаторов достаточности инфраструктуры, доступности общественных услуг и качества окружающей [16]. Другие исследования расширяют классическую трехмерную модель, добавляя инженерно-техническое или инфраструктурное измерение, тем самым формируя четырехкомпонентную структуру «экономика - общество - экология - инфраструктура», позволяющую анализировать устойчивость сельских территорий на национальном или региональном уровне [17]. Отечественные исследователи предлагают подход для исследования взаимосвязи устойчивого развития сельских территорий и пространственной локализации, проявляющейся в территориальной привязанности к местным условиям [18]. Авторы разработали методику комплексной оценки устойчивого развития сельских территорий в контексте их пространственной локализации, позволяющую получить многообразие вариантов развития сельских территорий с выделением исторических особенностей хозяйственного освоения села, сложившегося его социального профиля, неравномерности организации сельского пространства в различных типах районов.

Мы исходим из допущения, что сельские территории представляют собой сложные адаптивные системы, состоящие из тесно взаимосвязанных элементов, включая: экономику, социальную сферу, инфраструктуру и окружающую природную среду. Следовательно, устойчивое развитие сельских территорий зависит от способности различных подсистем к энергетическому реагированию на внешние возмущения, а также от адаптационного и регуляторного потенциала системы в целом. Применение комплексного системного подхода позволяет обосновать систему оценочных показателей, представленную на рисунке.

Рисунок - Система оценочных показателей устойчивого развития сельских территорий

Подсистема экономической устойчивости отражает, прежде всего, характеристики рабочей силы, экономической базы и ресурсного обеспечения сельских территорий. Она служит основой для поддержания базовых уровней производства и доходов в условиях возникновения рисков. С учетом имеющейся статистической базы в разрезе показателей развития сельских территорий регионов РФ выбрано 12 показателей, распределенных по категориям: «Рабочая сила», «Экономическая база» и «Ресурсный потенциал территории», для отражения материальной основы развития сельских территорий.

Подсистема социальной устойчивости отражает базовые возможности территории, связанные с демографическим потенциалом, характером развития человеческого капитала населения, социальными услугами и предпосылками формирования социальной уязвимости. Естественный прирост населения, демографическая нагрузка и миграционный прирост определяют жизнеспособность сельских территорий, состояние здоровья и уровень образования населения - их потенциал развития; система социального обеспечения отвечает за удовлетворение базовых жизненных потребностей, а выявление факторов уязвимости позволяет определить внутренние барьеры устойчивого развития. Поэтому для характеристики социальной устойчивости, лежащей в основе развития сельских территорий, нами выбрано 12 показателей, относящихся к категориям: «Демографическая структура населения», «Система социального обеспечения», «Человеческий капитал населения» и «Социальная уязвимость».

Подсистема инфраструктурной устойчивости отражает роль объектов социального обслуживания (транспорт, образование, здравоохранение) в обеспечении жизнедеятельности села и реагировании на внешние потрясения. Повышение устойчивости инфраструктуры имеет решающее значение для обеспечения устойчивого развития сельских территорий. Поэтому в исследовании выбрано 12 конкретных показателей, охватывающих категории: «Условия жизни», «Информационное пространство и коммуникации» и «Возможности социальных услуг», для оценки базового состояния и эксплуатационных возможностей сельской инфраструктуры.

Подсистема экологической устойчивости фокусируется на роли различных природных ресурсов в обеспечении безопасности, устойчивости и долгосрочного развития сельских территорий. Такие факторы, как: различные типы экологически значимых земель, водные ресурсы, особенности рельефа - влияют на емкость экологической системы. В связи с этим в данном исследовании выбрано 6 показателей, относящихся к категориям: «Экологическая база» и «Безопасность окружающей среды (экологическая нагрузка)» для характеристики экологической основы и устойчивости сельских поселений к антропогенному воздействию.

Таким образом, предлагаемая система оценки устойчивого развития сельских территорий, охватывающая экономический, социальный, инфраструктурный и экологический аспекты, позволяет не только всесторонне оценить текущий уровень устойчивости сельских территорий с различных точек зрения, но и позволит разработать специализированный набор мер, в зависимости от преобладающих факторов воздействия.

Заключение

На сегодняшний день специалисты в области устойчивого развития отмечают растущую потребность не только в более четком определении его социального измерения, но и в понимании того, как существующие подходы, методы и инструменты соотносятся друг с другом и могут быть объединены для комплексного изучения социальных аспектов устойчивого развития. Изучение социальных аспектов устойчивого развития в современном обществе необходимо для решения накладывающихся друг на друга и взаимодополняющих кризисов нашего времени, связанных с благосостоянием, возможностями, климатом, безопасностью. Отдельным исследовательским направлением является выявление ключевых драйверов или барьеров достижения социальной устойчивости для обоснования органам управления и представителям гражданского общества формулирования целей и разработки эффективной политики.

Важно отметить, что понятия и показатели, относящиеся к социальной реальности, всегда связаны с постоянными изменениями. Другими словами, то, что определяет наши цели

или задачи, само по себе постоянно и заметно меняется. С социальной точки зрения устойчивое развитие - это процесс, а не состояние, и поэтому его нельзя однозначно измерить. Исследователям и управленцам необходим инструмент, который не только учитывает эту изменчивость, но и принимает тот факт, что устойчивое развитие имеет больше общего с качественной перспективой, чем с количественными нормами. С другой стороны, для объективного отражения реальности и принятия управленческих решений наиболее эффективным оказался комплексный подход, ориентированный на оценку взаимосвязанных элементов сельской территориальной системы (социальной системы, экономики, экологии и территориальной инфраструктуры). В рамках данной перспективы предложенная система оценочных показателей нацелена не только на выявление совокупного влияния основных факторов устойчивого развития сельских территорий, но и характеризуется доступностью их получения и возможностями математического анализа происходящих процессов (исследование текущего уровня развития территорий, динамики устойчивости, выявление и моделирование факторов – драйверов и факторов – барьеров устойчивого развития и других).

Список источников

1. Wei Y., Wang D., Yang Y., Zou L., Wu S. Evaluating the sustainability of rural territorial system with a social-ecological system framework: A case of Beijing-Tianjin-Hebei region, China, *Habitat International*, Volume 169, 2026, 103727, ISSN 0197-3975.
2. Raworth K. (2012). A safe and just space for humanity. Can we live within the doughnut? *Oxfam Discussion Papers*. Oxfam, Oxford.
3. Dearing J., Wang R., Zhang K., Dyke J. Safe and just operating spaces for regional social-ecological systems/ *Global Environmental Change* 28 (2014) 227–238.
4. Luukkanen J., Vehmas J., Kaivooja J. Quantification of Doughnut Economy with the Sustainability Window Method: Analysis of Development in Thailand. *Sustainability* (2021), T. 13; 847.
5. Custodio H., Hadjikakou M., Bryan B. A review of socioeconomic indicators of sustainability and wellbeing building on the social foundations framework, *Ecological Economics*, Volume 203, 2023, 107608, ISSN 0921-8009.
6. Murgas, F., Klobučnik, M. (2016). Does the Quality of a Place Affect Well-being?. *Ekológia (Bratislava)*, 35(3), 224–239.
7. Cheung, Ck., Ngan, R.Mh. (2012) Filtered Life Satisfaction and Its Socioeconomic Determinants in Hong Kong. *Soc Indic Res* 109, 223–242.
8. Headey, B., Yong, J. (2019) Happiness and Longevity: Unhappy People Die Young, Otherwise Happiness Probably Makes No Difference. *Soc Indic Res* 142, 713–732.
9. The Sustainable Development Goals Report 2025. - URL: <https://desapublications.un.org/publications/sustainable-development-goals-report-2025>
10. Li, Y., N. Chen, A. Sullivan, S. Chen, and X. Qin (2023). Changing collaborative networks and transitions in rural sustainable development: qualitative lessons from three villages in China. *Ecology and Society* 28(4):2.
11. Su, F.; Luo, J.; Liu, H.; Tong, L.; Li, Y. Assessment and Promotion Strategy of Rural Resilience in Yangtze River Delta Region, China. *Sustainability* 2022, 14, 5382.
12. Красильникова Л. Е., Рушицкая О. А., Баландин Д. А., Федосеева С. С. Оценка резильентности сельского территориального пространства // *Аграрный вестник Урала*. 2022. № 10 (225). С. 78–90. .
13. Агibalов А.В., Запорожцева Л.А., Ткачева Ю.В. Формирование методики оценки качества устойчивости развития сельских территорий // *International Agricultural Journal*. 2020. Т. 63. № 1. С. 54-66.
14. Yang Y., Wang Y. Exploring Rural Resilient Factors Based on Spatial Resilience Theory: A Case Study of Southern Jiangsu. *Land* 2023, 12(9), 1677.

15. Yu T., Leng H., Yuan Q., Yuan Z. (2025) Spatial-temporal patterns and driving mechanism of rural vulnerability at county level : A case study of 117 counties in Heilongjiang Province, China. *Journal of Rural Studies* 113:103475.
16. Liu, R.; Zhang, L.; Tang, Y.; Jiang, Y. (2024) Understanding and Evaluating the Resilience of Rural Human Settlements with a Social- Ecological System Framework: The Case of Chongqing Municipality, China. *Land Use Policy*. 136: 106966.
17. Gan Zh., Chen J., Li Y., Zhang Y., Zhu M., Li D. (2026) Spatial Differentiation and Obstacle Factors of Rural Resilience at the Village Scale: Empirical Evidence from Qianshan City, Anhui Province, China. *Sustainability*. 18: 2440.
18. Закшевский, В. г., Меренкова, И. Н., Новикова, И. И., Пархомов, Е. А.. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации // Экономика региона. 2023. № 19(3). С. 683- 696.

References

1. Wei Y., Wang D., Yang Y., Zou L., Wu S. Evaluating the sustainability of rural territorial system with a social-ecological system framework: A case of Beijing-Tianjin-Hebei region, China, *Habitat International*, Volume 169, 2026, 103727, ISSN 0197-3975.
2. Raworth K. (2012). A safe and just space for humanity. Can we live within the doughnut? *Oxfam Discussion Papers*. Oxfam, Oxford.
3. Dearing J., Wang R., Zhang K., Dyke J. Safe and just operating spaces for regional social-ecological systems/ *Global Environmental Change* 28 (2014) 227–238.
4. Luukkanen J., Vehmas J., Kaivooja J. Quantification of Doughnut Economy with the Sustainability Window Method: Analysis of Development in Thailand. *Sustainability* (2021), T. 13; 847.
5. Custodio H., Hadjikakou M., Bryan B. A review of socioeconomic indicators of sustainability and wellbeing building on the social foundations framework, *Ecological Economics*, Volume 203, 2023, 107608, ISSN 0921-8009.
6. Murgaš, F., Klobučník, M. (2016). Does the Quality of a Place Affect Well-being?. *Ekológia (Bratislava)*, 35(3), 224–239.
7. Cheung, Ck., Ngan, R.Mh. (2012) Filtered Life Satisfaction and Its Socioeconomic Determinants in Hong Kong. *Soc Indic Res* 109, 223–242.
8. Headey, B., Yong, J. (2019) Happiness and Longevity: Unhappy People Die Young, Otherwise Happiness Probably Makes No Difference. *Soc Indic Res* 142, 713–732.
9. The Sustainable Development Goals Report 2025. - URL: <https://desapublications.un.org/publications/sustainable-development-goals-report-2025>
10. Li, Y., N. Chen, A. Sullivan, S. Chen, and X. Qin (2023). Changing collaborative networks and transitions in rural sustainable development: qualitative lessons from three villages in China. *Ecology and Society* 28(4):2.
11. Su, F.; Luo, J.; Liu, H.; Tong, L.; Li, Y. Assessment and Promotion Strategy of Rural Resilience in Yangtze River Delta Region, China. *Sustainability* 2022, 14, 5382.
12. Krasilnikova, L.E., Rushchitskaya, O.A., Balandin, D.A. and Fedoseeva, S.S. (2022) Assessment of the resilience of rural territorial space, *Agrarian Bulletin of the Urals*, (10 (225)), pp. 78–90.
13. Agibalov, A.V., Zaporozhtseva, L.A. and Tkacheva, Yu.V. (2020) Formation of a methodology for assessing the quality of sustainability of rural development, *International Agricultural Journal*, 63(1), pp. 54–66.
14. Yang Y., Wang Y. Exploring Rural Resilient Factors Based on Spatial Resilience Theory: A Case Study of Southern Jiangsu. *Land* 2023, 12(9), 1677.
15. Yu T., Leng H., Yuan Q., Yuan Z. (2025) Spatial-temporal patterns and driving mechanism of rural vulnerability at county level : A case study of 117 counties in Heilongjiang Province, China. *Journal of Rural Studies* 113:103475.

16. Liu, R.; Zhang, L.; Tang, Y.; Jiang, Y. (2024) Understanding and Evaluating the Resilience of Rural Human Settlements with a Social- Ecological System Framework: The Case of Chongqing Municipality, China. *Land Use Policy*. 136: 106966.
17. Gan Zh., Chen J., Li Y., Zhang Y., Zhu M., Li D. (2026) Spatial Differentiation and Obstacle Factors of Rural Resilience at the Village Scale: Empirical Evidence from Qianshan City, Anhui Province, China. *Sustainability*. 18: 2440.
18. Zakshevsky, V.G., Merenkova, I.N., Novikova, I.I. and Parkhomov, E.A. (2023) Sustainable development of rural territories: a new view on assessment in the context of spatial localization, *Economy of the Region*, 19(3), pp. 683–696.

Информация об авторе

А.А. Вьяльшина – кандидат социологических наук, заведующая лабораторией Института аграрных проблем – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»;

Information about the author

A.A. Vyalshina - Candidate of Sociological Sciences; Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy.

Статья поступила в редакцию 21.09.2026 г.; одобрена после рецензирования 25.09.2026 г.; принята к публикации 25.09.2026 г.

The article was submitted 21.09.2026; approved after reviewing 25.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 50-58.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 50-58.

Научная статья
УДК 004.853:371.31

ОТНОШЕНИЕ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Светлана Геннадиевна Былина

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, svbylina@rambler.ru

Аннотация. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ-ВШЭ за 2024 год проанализирован уровень осведомленности сельских работников образования и сельских учащихся в возрасте от 14 до 17 лет о технологии искусственного интеллекта (ИИ). Проведено сопоставление отношения данных категорий респондентов к использованию ИИ в целях, связанных с получением образования. Выявлено, что большая часть респондентов обеих категорий имеют весьма слабые представления об ИИ, при этом сельские школьники-подростки демонстрируют большую активность в использовании программ с ИИ как эпизодически, так и на постоянной основе. Установлено, что лишь треть сельских работников образования рассматривает ИИ как возможность для получения новых знаний и скептически относятся к влиянию технологий искусственного интеллекта на свою работу. Выявлен цифровой разрыв в использовании технологий искусственного интеллекта между городской и сельской образовательной аудиторией. Сделан вывод, что участники образовательного процесса, особенно в сельской местности, находятся еще в самом начале пути применения технологий ИИ для повышения качества образования.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, сельские школьники, сельские преподаватели.

Для цитирования: Былина С.Г. Отношение учащихся и преподавателей сельских школ к использованию технологий искусственного интеллекта в сфере образования // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 50-58.

Original article

ATTITUDE OF RURAL SCHOOL STUDENTS AND TEACHERS TOWARDS THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Svetlana G. Bylina

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal
State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
svbylina@rambler.ru

Abstract. Based on the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of Economic Situation and Health of the Population (RLMS) of HSE University for 2024, the level of awareness of rural education workers and rural students aged 14 to 17 about artificial intelligence (AI) technology is analyzed. A comparison is made of the attitudes of these categories of respondents towards the use of AI for purposes related to education. It is revealed that the majority of respondents in both categories have very weak understanding of AI, while rural teenage schoolchildren demonstrate greater activity in using AI programs both episodically and on a regular basis. It is established that only one third of rural education workers consider AI as an opportunity to gain new knowledge and are skeptical about the impact of artificial intelligence technologies on their work. A digital divide in the use of artificial intelligence technologies between urban and rural educational audiences is revealed. It is concluded that participants in the educational process, especially in rural areas, are still at the very beginning of the path of using AI technologies to improve the quality of education.

Keywords: information and communication technologies, artificial intelligence, rural schoolchildren, rural teachers.

For citation: Bylina S.G. Attitude of rural school students and teachers towards the use of artificial intelligence technologies in education. *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2026;(3):50-58. (In Russ)

Введение

Искусственный интеллект (ИИ), являясь частью информационных технологий, становится одной из ключевых индустрий будущего, наряду с креативной экономикой, биотехнологиями и космосом. В последние годы развитие и использование технологий искусственного интеллекта приобрело повсеместный характер. По мнению международных экспертов, внедрение ИИ приведет к наиболее существенным трансформациям в индустриях, связанных с интеллектуальной деятельностью, к числу которых относится образование. Генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азуле утверждает: «Искусственный интеллект серьезно изменит сферу образования. Методы преподавания, способы обучения, доступ к знаниям и подготовка учителей претерпят революционные изменения» [1].

Непосредственное отношение к развитию технологий ИИ и внедрению их в сферу образования имеют Цели национального развития, обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: «Возможности для самореализации и развития талантов» и «Цифровая трансформация» [2]. Технологии ИИ представляют на сегодняшний день одну из важных составляющих цифровой трансформации, в то время как расширение возможностей самореализации и развития талантов, повышение вовлеченности обучающихся в образовательный процесс является эффектом от использования инструментов ИИ в обучении. Однако внедрение технологий ИИ и цифровизация образования подразумевают не только оснащение учреждений образования средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): компьютерами, скоростным интернетом, интерактивными досками, планшетами и т.п. Данный процесс, по мнению специалистов [3], подразумевает изменение образовательной парадигмы, когда на смену традиционным занятиям приходит проектное обучение в разнообразных форматах. При этом неизбежна смена роли педагога в образовательном процессе с возрастанием его значимости как наставника, мотивирующего учеников к самостоятельной работе, обучающего приемам работы с информацией, поиску новых решений [4].

Однако внедрение технологий ИИ в образование предполагает определенную степень готовности к работе в новых условиях всех участников данного процесса. В настоящий момент научных исследований по уровню использования технологий ИИ в общеобразовательных организациях явно недостаточно, публикации носят в основном публицистический характер [5-7] и не позволяют в полной мере судить о развитии данного процесса. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью мониторинга уровня использования сельскими педагогами и учениками технологий ИИ.

Целью исследования является определение уровня готовности и восприятия сельскими преподавателями и учащимися использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на исходных материалах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ-ВШЭ [8] за 2024 год. Из общего массива данных РМЭЗ выделена целевая выборка работников сельского образования, составившая 135 чел., и школьников возраста от 14 до 17 лет, общей численностью 168 чел.

В исследовании использованы методы сравнительного анализа, а также экономико-математические методы анализа данных. Расчеты многомерных распределений осуществлялись в системе SPSS 17.0.

Результаты исследования.

Исследован уровень осведомленности сельских работников образования и сельских школьников о технологиях искусственного интеллекта (таблица 1).

Таблица 1 - Распределение респондентов по ответам на вопросы об искусственном интеллекте, % от ответивших

Вопросы/Категории респондентов	преподаватели	школьники от 14 до 17 лет
<i>Вы слышали что-либо об искусственном интеллекте и возможностях его применения?</i>		
Впервые слышите об этом	34,8	42,3
Что-то слышали, но не представляете, что это такое	26,7	17,9
Знаете в общих чертах	30,4	26,2
Знаете достаточно много про искусственный интеллект	5,2	6,0
Затрудняюсь ответить	2,9	2,4
<i>Вы когда-нибудь пользовались в любых целях программами с искусственным интеллектом?</i>		
Не знаете, что это такое	42,0	28,9
Не пользовались, но знаете, что это такое	52,3	45,4
Пользовались время от времени	2,3	11,3
Пользовались регулярно	0,7	1,0
Затрудняюсь ответить	2,7	18,7

Установлено, что полное отсутствие предварительной информации об ИИ отметили наибольшие доли ответивших и преподавателей, и учащихся. Вместе с теми, кто «что-то слышал, но не представляет, что это такое», составляет более половины численности респондентов: 61,5% преподавателей и 60,1% учащихся. Следует отметить отсутствие принципиальных различий в данном вопросе между двумя группами респондентов. Большая доля учащихся, чем преподавателей, впервые слышит о данном виде ИКТ, меньшая доля не имеет представления о том, что это такое, но слышали о существовании ИИ. Начальными сведениями об ИИ обладает несколько большая доля преподавателей, чем учеников, однако, подростки 14-17 лет немного опережают преподавателей в более глубоком проникновении знаний об ИИ. Тем не менее, в совокупности, доля преподавателей, обладающих как начальными, так и более глубокими знаниями об ИИ несколько превышает аналогичный показатель у школьников рассматриваемой возрастной категории (35,6% против 32,1%).

Таким образом, по данным за 2024 год наблюдался достаточно низкий уровень информированности и сельских работников образования, и сельских школьников возраста от 14 до 17 лет о технологиях искусственного интеллекта. Более 60% респондентов обеих категорий имеют весьма слабые представления об ИИ.

Проанализированы ответы респондентов на вопрос об использовании программ с искусственным интеллектом для любых целей. В результате установлено, что большая часть и преподавателей, и школьников-подростков никогда не пользовались данными программами, но знают об их существовании, в то же время значительная часть респондентов не представляют, что это такое. Таким образом, по данным за 2024 год, доля «непользователей» программами с ИИ среди всех сельских преподавателей-респондентов составляет 61,5%, аналогично среди школьников 14-17 лет – 42,9%. Среди сельских школьников подросткового воз-

раста существенно меньше, чем среди сельских преподавателей, доля тех, кто не имеет никаких сведений об искусственном интеллекте.

Значительное отличие школьников от преподавателей отмечается и в результатах частоты использования программ с ИИ. Сельские школьники-подростки демонстрируют большую активность в использовании программ с ИИ как эпизодически, так и на постоянной основе, в сравнении с сельскими работниками образования.

Проанализированы ответы респондентов на вопросы о влиянии искусственного интеллекта на различные аспекты образования.

Большая часть обеих категорий респондентов отмечает незначительное положительное влияние использования ИИ в образовании (рис. 1). Лишь 13,6% преподавателей и 14,4% школьников считают данное влияние «сильно положительным», в то время как 25% преподавателей и 20,6% школьников уверены, что никакого влияния на обучение ИИ не оказывает. Негативно оценили влияние ИИ на образование 9,1% сельских работников образования и лишь 2,1% сельских учащихся от 14 до 17 лет. Таким образом, около половины сельских работников образования и сельских учащихся возраста от 14 до 17 лет положительно оценивают возможное влияние использования технологий искусственного интеллекта для обучения, к возможному негативному воздействию на процесс обучения ИИ более склоняются сельские преподаватели, чем школьники.

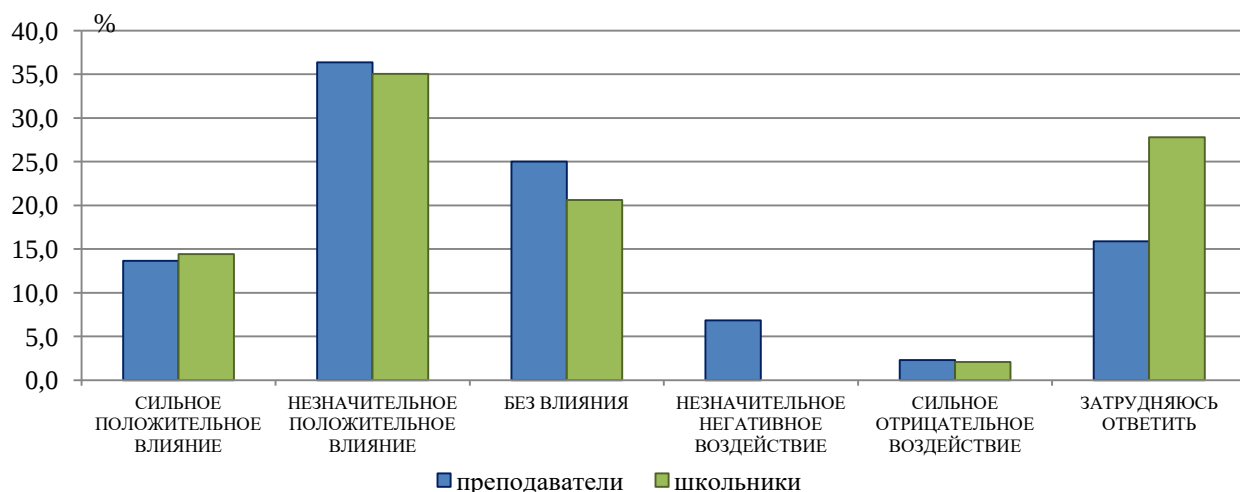

Рисунок 1 - Распределение ответов на вопрос о влиянии ИИ на образование, % от числа ответивших

С процессом обучения тесно связана потребность поиска необходимой информации в Интернет. Использование программ с ИИ может служить инструментом, существенно упрощающим и ускоряющим данный процесс. Другое дело, что само качество информации, полученной с помощью ИИ, необходимо критически анализировать, так как оно не всегда, по мнению многих специалистов, является корректным [9]. Проанализированы ответы респондентов на вопрос о влиянии технологий ИИ на поиск информации (рис. 2). Установлено, что подавляющая доля респондентов (и преподавателей, и учащихся) положительно оценивают данное влияние (в совокупности 67% ответивших работников образования и 70,9% школьников-подростков). Причем, преподаватели, видимо, более эффективно используют инструменты ИИ для поиска необходимой информации, так как большая их часть по сравнению со школьниками (36,4% против 32,1%) оценивает данное влияние как сильно положительное. Скорее всего, сельские преподаватели используют ИИ для целенаправленного поиска данных по своей профессиональной деятельности, в то время как школьники используют ИИ для поиска любой информации по своим интересам.

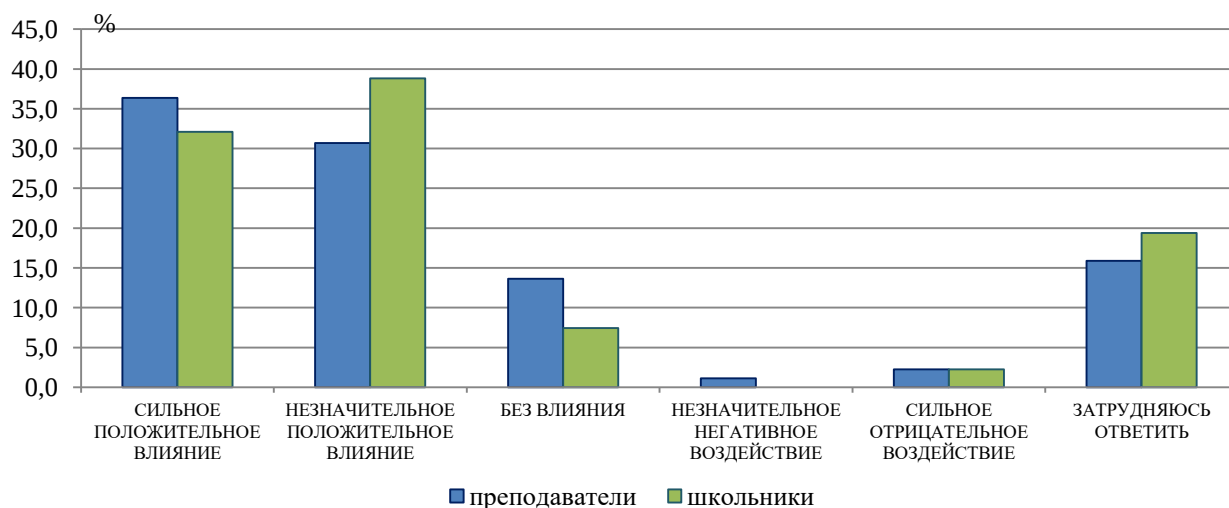

Рисунок 2 - Распределение ответов на вопрос о влиянии ИИ на поиск информации, % от числа ответивших

В то же время большая, чем у школьников, часть преподавателей (13,6% против 7,5%) отрицает какое-либо влияние ИИ на возможности поиска информации. Также большая часть сельских работников образования по сравнению с сельскими школьниками отрицательно оценивает влияние технологий искусственного интернета на поиск необходимой информации (3,4% против 2,2%). Таким образом, сельские школьники 14-17 лет более позитивно в целом оценивают возможности ИИ для поиска информации, чем сельские работники образования.

Рассмотрены результаты ответов респондентов на вопрос о влиянии технологий искусственного интеллекта на возможности получения знаний (рис. 3). Во время ковидных ограничений многие школы переходили на формат дистанционного обучения. Поэтому в системе получения знаний в он-лайн формате для участников образовательного процесса нет ничего необычного. Тем не менее, учитывая «ковидный» опыт, большая доля респондентов склоняется к ответу об отсутствии видимого влияния ИИ на возможности получения знаний. Такого мнения придерживаются 47,7% ответивших сельских работников образования и 41% школьников-подростков. Следует также отметить высокую долю респондентов, которые затруднились оценить степень данного влияния ИИ (13,6% преподавателей и 18,7% школьников). Положительно влияние ИИ на процесс получения знаний оценили 33% преподавателей и 38,8% школьников.

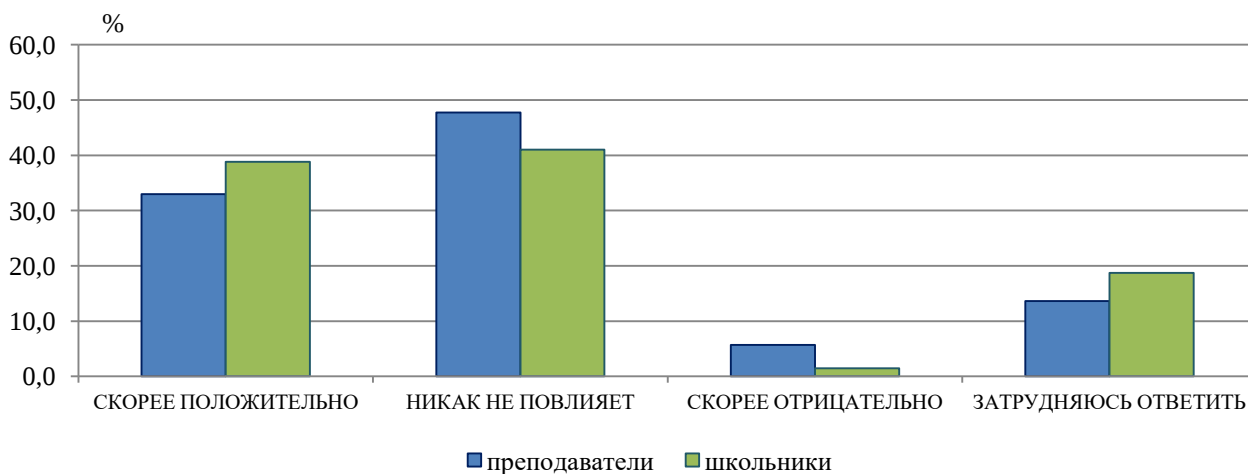

Рисунок 3- Распределение ответов на вопрос о влиянии ИИ на возможности получения знаний, % от числа ответивших

Таким образом, лишь треть сельских работников образования из числа ответивших рассматривает ИИ как возможность получить новые знания, сельские школьники более оптимистичны в данном вопросе.

Проанализировано отношение сельских работников образования к влиянию технологий искусственного интеллекта на их работу. Большая часть преподавателей скептически оценивает возможное влияние ИИ на свою профессиональную деятельность, 56,8% из них считают, что никак не ощутят подобного влияния. Осторожный оптимизм о незначительном положительном влиянии высказало 22,7% данной категории респондентов. Отрицательно настроены 8% респондентов, а 12,5% не имеют на этот счет определенного мнения. Таким образом, сельские работники образования в большинстве своем скептически относятся к влиянию технологий искусственного интеллекта на свою работу.

Проведен сравнительный анализ отношения к ИИ сельских и городских работников образования, а также сельских и городских школьников от 14 до 17 лет. Результаты проведенного анализа представлены на рисунках 4 и 5, в таблице 2.

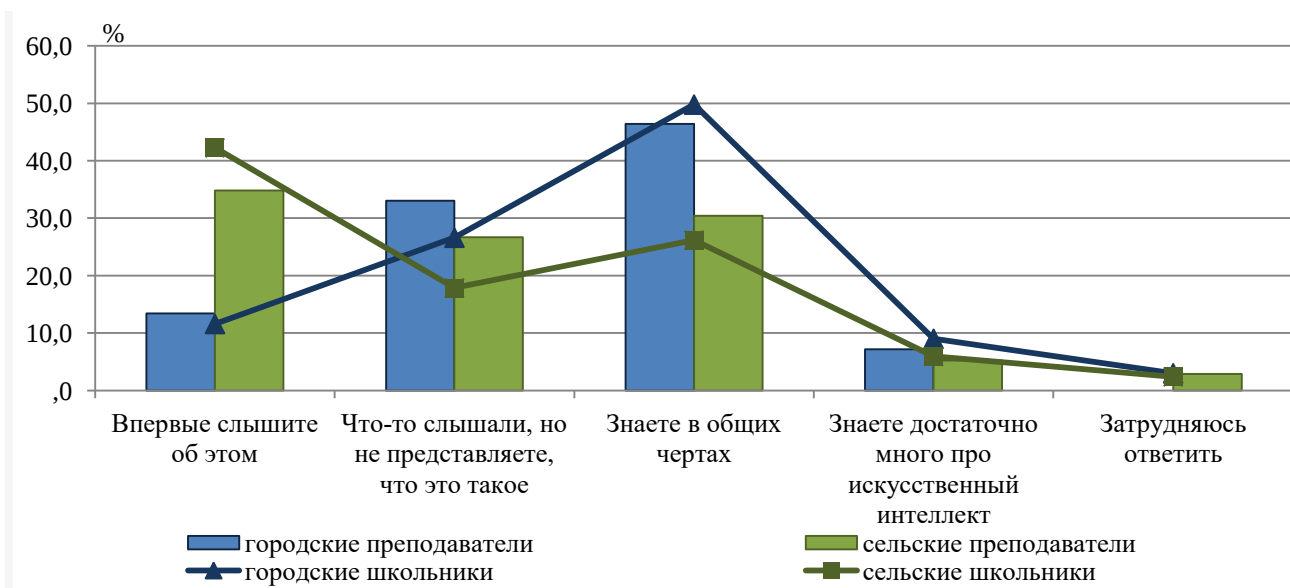

Рисунок 4 - Сравнительное распределение респондентов по ответам на вопросы об искусственном интеллекте, % от числа ответивших

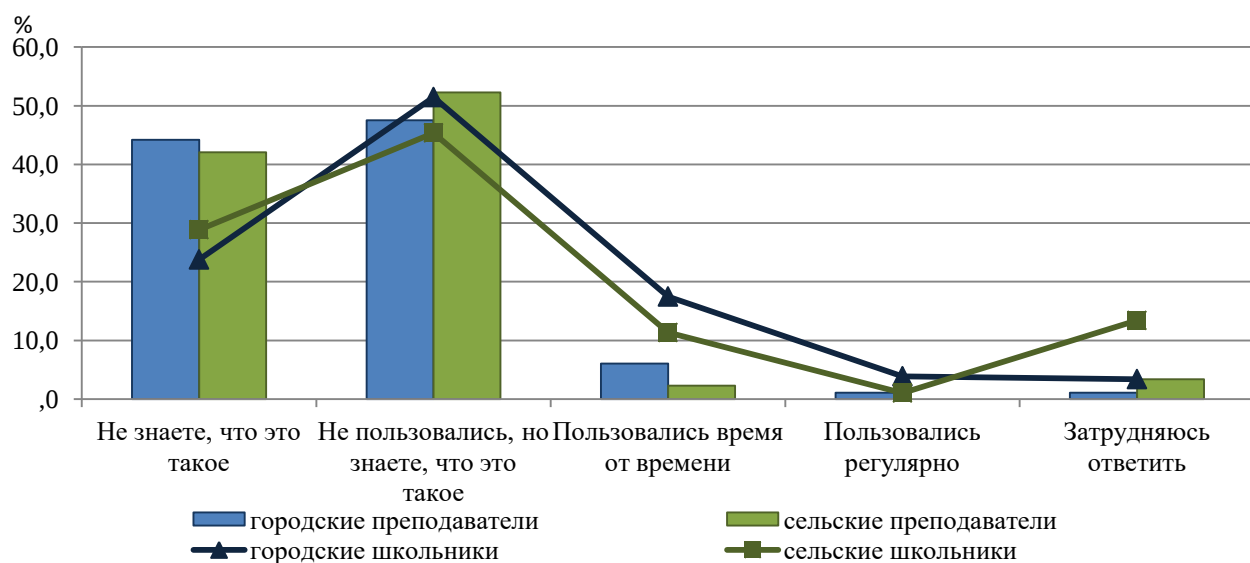

Рисунок 5 - Сравнительное распределение респондентов по ответам на вопросы об использовании искусственного интеллекта, % от числа ответивших

Очевидно, что и городские преподаватели, и городские школьники подросткового возраста гораздо более своих коллег и сверстников из сельской местности информированы об ИИ. Особенно велик разрыв среди тех, кто впервые слышит о данных технологиях: лишь 13,4% городских преподавателей против 34,8% сельских коллег, среди школьников данный разрыв еще существенней: 11,6% городских школьников против 42,3% сельских. Также велика разница между респондентами, которые знакомы с ИИ в общих чертах. Среди городских преподавателей к данной категории себя отнесли 46,4% респондентов, среди сельских лишь 30,4%, среди школьников разрыв так же гораздо больше – 49,8% в городе и 26,2% в селе.

Относительно использования технологий ИИ разрыв между городскими и сельскими респондентами менее резок. Среди городских преподавателей чуть больше, чем среди сельских (44,2% против 42%), тех, кто не представляет, что это такое. Соответственно сельские преподаватели более осведомлены об ИИ (52,3% респондентов против 47,5%). Напротив, городские школьники-подростки более осведомлены о технологиях ИИ, чем сельские: 51,5% городских респондентов не пользовались, но знают, что это такое, среди сельских школьников таких 45,4%. Городские респонденты преобладают среди тех, кто пользовался технологиями ИИ: 7,2% против 2,3% – сельских. Школьники гораздо активнее в использовании технологий ИИ, но и здесь различие составляет 21,4% против 12,4%, соответственно. Таким образом, очевиден цифровой разрыв в использовании технологий искусственного интеллекта между городской и сельской образовательной аудиторией.

Исследовано отношение городских и сельских участников образовательного процесса к использованию технологий искусственного интеллекта в образовательных целях (табл. 2).

Таблица 2 - Сравнительное распределение респондентов по ответам на вопрос о влиянии ИИ на различные аспекты образования, % от числа ответивших

Ответы \ Категории респондентов	преподаватели		школьники 14-17 лет	
	город	село	город	село
Какое влияние искусственный интеллект в настоящее время оказывает:				
на образование				
Сильное положительное влияние	12,7	13,6	25,7	14,4
Незначительное положительное влияние	41,4	36,4	36,4	35,1
Без влияния	23,2	25,0	23,3	20,6
Незначительное негативное воздействие	9,9	6,8	4,4	0,0
Сильное отрицательное воздействие	2,2	2,3	0	2,1
Затрудняюсь ответить	10,5	15,9	10,2	27,8
на поиск информации				
Сильное положительное влияние	33,7	36,4	42,7	32,1
Незначительное положительное влияние	38,1	30,7	30,6	38,8
Без влияния	12,2	13,6	14,1	7,5
Незначительное негативное воздействие	2,8	1,1	1,5	0,0
Сильное отрицательное воздействие	1,1	2,3	0	2,2
Затрудняюсь ответить	12,2	15,9	11,2	19,4
на ваши возможности получения знаний				
Скорее положительно	35,4	33,0	42,2	38,8
Никак не повлияет	54,1	47,7	43,7	41,0
Скорее отрицательно	2,8	5,7	1,9	1,5
Затрудняюсь ответить	7,7	13,6	12,1	18,7

Очевидно, что в своих оценках влияния технологий ИИ на образование, поиск информации, а также возможностей получения знаний и городские и сельские респонденты в целом практически едины. Большая часть всех рассмотренных категорий респондентов рассматривает данное влияние как незначительное, хотя и со знаком плюс. Городские преподаватели, как и городские школьники, по сравнению с сельскими, придают большее положительное значение использованию ИИ в различных аспектах образования. Сельские преподаватели несколько выше, чем городские, оценивают эффективность использования ИИ в поиске информации.

Тем не менее, очевидно, что использование технологий ИИ в образовании и в городе, и в селе, всеми участниками образовательного процесса по данным за 2024 год оценивается не слишком высоко. Данные результаты подтверждаются рядом исследований. Так, опрос, в котором приняли участие 1760 учеников 8-11 классов, проведенный онлайн-школой «100 балльный репетитор» и стратегическим агентством RLVNT в апреле 2026 года [6] показал, что у 84% учащихся доверие к реальному учителю в вопросах образования выше, чем к ИИ, даже если ИИ активно используется в учебе. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представлены результаты опроса россиян об их отношении к применению искусственного интеллекта в школьном образовании [9]. Установлено, что более половины респондентов не готовы позволять своим детям использовать ИИ в образовательном процессе, а 46% респондентов считают, что ИИ скорее или значительно ухудшает качество знаний. Однако данное исследование также показывает, что респонденты видят не только угрозы ИИ в образовании, но и его значительный потенциал. Среди угроз и рисков использования искусственного интеллекта в образовательном процессе обозначены: снижение умственной нагрузки, а также мотивации к обучению, риск плагиата и списывания, ухудшение критического мышления и т.д. Положительными аспектами внедрения технологий ИИ в образовательный процесс обозначено: технологии могут помочь сгладить неравенство в доступности и получении качественного образования, в частности, повысить доступность образования детям из удаленных районов, а также детям с ограниченными возможностями.

Специалистами АНО «Цифровая экономика», НИУ ВШЭ в исследовании влияния ИИ на образование обозначены ограничения, препятствующие распространению ИИ в образовании [3]. Одним из ключевых барьеров внедрения ИИ в образование являются кадровые ограничения. Новые технологии требуют особой подготовки специалистов, способных квалифицированно работать с образовательными ИИ-технологиями. Система подготовки специалистов по искусственному интеллекту, а также учителей начальной и средней школы, которые могут преподавать, например, основы грамотности использования ИИ находится в стадии создания. Еще одним серьезным барьером на пути использования технологий ИИ в образовании является цифровой разрыв, который проявляется как в возможностях доступа к Интернету, особенно высокоскоростному, так и в уровне цифровой грамотности и преподавателей, и учащихся. Проблемой является и отношение родителей учащихся, многие из которых считают, что развитие цифровизации приведет к ухудшению качества образовательных услуг, использование искусственного интеллекта в процессе обучения сведет роль учителя до Интернет-наставника, приведет к замедлению развития когнитивных способностей школьников, ограничению их права на очное обучение и т.д.

Тем не менее, целью использования искусственного интеллекта в образовании должно быть повышение качества образовательной деятельности. Цифровые технологии с использованием ИИ могут снизить рутинную нагрузку на преподавателей, использоваться для проверки уровня знаний учащихся, персонализации процесса обучения, повышения уровня доступности образования и решения многих других задач.

Заключение

Нейросети уже прочно вошли в нашу жизнь, искусственный интеллект в настоящий момент серьезно меняет рынок труда и сферу услуг, и трансформация системы образования неизбежна. Как показывают результаты настоящего исследования, все участники образовательного процесса, особенно в сельской местности, находятся еще в самом начале пути применения технологий ИИ для повышения качества образования.

В настоящее время остро назрела задача разработки стратегии внедрения технологий ИИ в образовательный процесс с соблюдением баланса между рисками бесконтрольного использования и эффективностью применения современных технологий в обучении. Исследования, отражающие восприятие всеми участниками образовательного процесса, особенно в сельской местности, инновационных технологий, могут быть использованы федеральными и региональными органами власти при разработке стратегических мер и проектов в сфере образования.

Список источников

1. Как искусственный интеллект может улучшить образование? – URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-uluchshit-obrazovanie>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>.
3. Влияние ИИ на образование. АНО «Цифровая экономика». – URL: <https://d-economy.ru/analitic/vlijanie-ii-na-obrazovanie/>.
4. Кузнецова Е. Уроки с поправкой на ИИ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8692649>.
5. Черменская В. Как использовать искусственный интеллект в образовании. – URL: <https://pedsovet.org/article/kak-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-v-obrazovanii>.
6. Гурьянов С. Не стыдно не знать: почему школьники предпочитают просить помощи у ИИ. – URL: <https://iz.ru/2095709/sergei-gurianov/ne-stydno-ne-znat-pochemu-shkolniki-predpochitaiut-prosit-pomoshchi-u-ii>.
7. Погодин Н. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и примеры использования. – URL: <https://media.foxford.ru/articles/neyroseti-v-obrazovanii>.
8. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ - ВШЭ (RLMS-HSE)». – URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>
9. Рожков Г. Искусственный интеллект в школе: добро или зло? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo>.

References

1. UNESCO (n.d.) How can artificial intelligence improve education?. Available at: <https://www.unesco.org/ru/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-uluchshit-obrazovanie>
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 7 May 2024 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036" (2024). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>
3. The Digital Economy ANO (n.d.) The impact of AI on education. Available at: <https://d-economy.ru/analitic/vlijanie-ii-na-obrazovanie/>
4. Kuznetsova, E. (n.d.) lessons adjusted for AI. Available at <https://www.kommersant.ru/doc/8692649>
5. Chermenskaya, V. (n.d.) How to use artificial intelligence in education. Available at: <https://pedsovet.org/article/kak-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-v-obrazovanii>.
6. Guryanov, S. (n.d.) It is not shameful not to know: why schoolchildren prefer to ask AI for help. Available at: <https://iz.ru/2095709/sergei-gurianov/ne-stydno-ne-znat-pochemu-shkolniki-predpochitaiut-prosit-pomoshchi-u-ii>.
7. Pogodin, N. (n.d.) Artificial intelligence in education: prospects and examples of use. Available at: <https://media.foxford.ru/articles/neyroseti-v-obrazovanii>.
8. Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE University (RLMS-HSE) (n.d.). Available at: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> and <http://www.hse.ru/rlms>.
9. Rozhkov, G. (n.d.) Artificial intelligence at school: good or evil? Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo>.

Информация об авторе

С.Г. Былина – кандидат экономических наук.

Information about the author

S.G. Bylina – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.09.2026; одобрена после рецензирования 21.09.2026;
принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 14.09.2026; approved after reviewing 21.09.2026;
accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 59-65.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3): 59-65.

Научная статья
УДК 316.423

ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК»: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Наталья Александровна Фисенко

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, natalfisa@yandex.ru

Аннотация. В статье обобщены результаты проведения структурно-тематического анализа зарубежных публикаций по проблеме применения научного метода «затраты-выпуск». Исследован опыт проведения контент-анализа в рамках реализации проекта Центра Европейских региональных исследований (EUROREG), изучена тематика изданий «Structural Economy Research» - официального журнала Международной Ассоциации «Затраты-Выпуск». По результатам библиометрического анализа выделены перспективные исследовательские тренды в области применения метода «Затраты-Выпуск» и определено проблемное ядро исследований - изучение социально-экономической устойчивости развития социально-экономических систем в условиях новых глобальных вызовов.

Ключевые слова: метод «Затраты-Выпуск», международный опыт, информационные базы публикаций; исследовательские тренды.

Для цитирования: Фисенко Н.А. применение научного метода «Затраты-Выпуск»: структурно-тематический анализ зарубежных публикаций // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 59-65.

Original article

APPLICATION OF THE INPUT-OUTPUT SCIENTIFIC METHOD: STRUCTURAL-THEMATIC ANALYSIS OF FOREIGN PUBLICATIONS

Natalya A. Fisenko

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary
Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article summarises the results of a structural-thematic analysis of foreign publications on the application of the Input-Output scientific method. The experience of conducting content analysis within the framework of the project implemented by the Centre for European Regional Studies (EUROREG) is examined, and the topics of the journal Structural Economy Research – the official journal of the International Input-Output Association – are studied. Based on the results of bibliometric analysis, promising research trends in the application of the Input-Output method are identified, and the core problem area of research is defined as the study of socio-economic sustainability of socio-economic systems under new global challenges.

Keywords: *Input-Output method, international experience, publication databases, research trends.*

For citation: *Fisenko N.A. Application of the Input-Output scientific method: structural-thematic analysis of foreign publications. Regional Agrosystems: Economics and Sociology. 2026;(3): 59-65. (In Russ)*

Введение.

Одним из универсальных инструментов научного исследования комплекса социально-экономических изменений в условиях новых глобальных вызовов является применение метода «Затраты – Выпуск», основанного на использовании мощной эмпирической базы на международном уровне. Изучение зарубежного опыта формирования единой системы методических и практических подходов к выработке приоритетных исследований является важным фактором в выявлении направлений в исследовании проблем развития агропродовольственных систем с помощью применения этого метода и определения социально-экономических механизмов управления, направленных на их устойчивое развитие.

В этом отношении представляется актуальным провести исследование информационных баз данных, накопленных учёными международных сообществ в ходе реализации совместных научных проектов и проведения заседаний зарубежных форумов.

Цель исследования. На основе структурно-тематического анализа зарубежных публикаций по проблеме применения научного метода «Затраты-Выпуск» предполагается выделить перспективные исследовательские тренды.

Методика исследования. В ходе исследования используется метод сравнительного анализа.

Информационную базу исследования составили, прежде всего, результаты проекта Центра Европейских региональных исследований (EUROREG) [1] и Института сельского развития академии наук Польши «Использование метода «Затраты-Выпуск» в региональных исследованиях: систематический обзор литературы». Они были представлены на 18-й Конференции по Глобальному экономическому анализу в г.Мельбурн (Австралия) [2].

Сбор данных и контент - анализ в рамках проекта проводился на основе двух международных баз данных: Web of Science (WoS) и SCOPUS. Запросы были ориентированы на статьи, которые в своих названиях, аннотациях или ключевых словах ссылаются на понятия «Затраты-Выпуск», «таблицы», «регион».

Также был проведен библиометрический анализ публикаций, содержащихся в журнале «Economic Systems Research», который является официальным печатным органом Международной Ассоциации «Затраты-Выпуск» [4].

Результаты исследования.

Исследования с применением метода «Затраты-Выпуск» основаны, как правило, на целостном подходе к экономическому анализу. Это даёт возможность представить директивным органам важную информацию в виде целостной, но не статичной картины, что позволяет отслеживать взаимовлияния различных видов деятельности и строить прогнозы на будущее. Но построение надёжных региональных таблиц «Затраты-Выпуск» связано с определёнными трудностями, что продиктовало необходимость сосредоточиться в этом международном проекте на анализе региональных исследований.

В результате реализации Международного проекта Центра Европейских региональных исследований было получено систематическое представление о современном состоянии ресурсов информационных баз данных по проблеме анализа «Затраты-Выпуск» на региональном (субнациональном/межрегиональном) уровне.

В количественном отношении было идентифицировано 175 статей в Web of Science и 285-в SCOPUS.

Прежде всего, следует отметить определённые сложности в самой идентификации научной литературы в этой области. Она носит разнообразный, фрагментированный и сложный для выделения характер главным образом потому, что она обычно публикуется в виде статей

не только в специализированных журналах, но и периодически в журналах другого профиля. С другой стороны, субнациональный (региональный) уровень анализа встречается в публикациях не очень часто, особенно в странах Восточной Европы. К тому же статьи, касающиеся этого уровня, нелегко идентифицировать в большом количестве литературы, поскольку термин «региональный» относится как к субнациональному, так и к континентальному (группа стран) пространственным уровням.

Кодирование контента позволило сгруппировать статьи по категориям пространственного уровня. Было выделено пять пространственных уровней, из которых три имели субнациональный характер. Выбраны следующие пространственные уровни: наднациональный (группа стран или континент); национальный (страна — суверенное политическое образование); региональный (субнациональное образование). Оказалось, что только 42 статьи касаются всех регионов страны, то есть того уровня анализа, который представляет основной интерес для этого исследования. 29 докладов касались наднационального уровня и 48 — национального (страны или стран). 92 доклада касались одного региона внутри страны, а 34 относились к категории «другие регионы». Оставшаяся часть основана на анализе статей, непосредственно посвященных всем регионам страны [2].

Почти все из проанализированных статей имели четко определенный пространственный охват эмпирического анализа, т.е. территориальные единицы, для которых были проанализированы региональные таблицы «Затраты-Выпуск». Почти во всех статьях речь шла об административных регионах, но в нескольких случаях анализировались территории другого типа (например, одномандатные избирательные округа или регионы рынка труда). Количество проанализированных регионов было очень разнообразным. Оно варьировалось от 4 до 439, но в большинстве статей оно не превышало 35 (субрегионы).

Очевидна заметная, хотя и не очень сильная тенденция к тому, что статьи, анализирующие более крупные наборы регионов (более 50), публиковались позже. В более ранних статьях, вероятно, из-за ограниченных инструментов анализа (программного и аппаратного обеспечения), изучалось меньшее количество регионов (обычно не более 10).

Интересен географический ракурс представленных статей. Наибольшее количество статей, использующих таблицы «Затраты-Выпуск» на субнациональном уровне, относятся к азиатским (15) и европейским (9) странам. Другими континентами, представленными в меньшем количестве, являются Северная и Южная Америка (соответственно 6 и 1) и Австралия (5). Популярность азиатского направления обусловлена большим количеством статей, описывающих исследования по регионам Китая (7 статей) и Японии (6 статей), и, в меньшей степени, Индонезии (2 статьи).

Относительно популярным географическим объектом исследования являются регионы США, проанализированные в 5 статьях, и Австралия (4 статьи). Наиболее разнообразными с географической точки зрения были статьи, описывающие исследования с использованием европейских данных «Затраты-Вывыпуск». В эту группу вошли две страны Западной Европы, проанализированные в двух статьях (Германия и Испания), и несколько стран, затронутых в одной статье (Франция, Израиль, Нидерланды, Финляндия, Италия). Также стоит упомянуть о двух статьях, в которых анализировались гипотетические страны и их регионы, то есть несуществующие теоретические конструкции [2].

Широкий охват названий журналов, в которых опубликованы исследуемые статьи, свидетельствует о возрастающем интересе публикации в журналах разного профиля. Это также подтверждает тенденцию роста междисциплинарных исследований.

Самым представительным является перечень международных экономических журналов: *Socio-Economic Planning Sciences*, *Construction Management and Economics*, *China Economic Review*, *China Agricultural Economic Review*, *Asian Economic Journal*. Многие статьи публикуются в журналах по региональной экономике: *Annals of Regional Science*, *Regional Studies*, *International Regional Science*, *Regional Science and Urban Economics*, *Review of Regional Studies*. Вопросы применения и развития метода «Затраты-Выпуск» освещены в специальных журналах, посвященных методологии научных исследований: *Economic Systems Re-*

search, Annals of Operation Research, Systems Engineering-Theory and Practice, Spatial Economic Analysis, Structure Change and Economic Dynamics, Statistical Journal. Широко представлены журналы по вопросам географии: Geographical Analysis, Journal of Transport Geography Resources, Conservation and Recycling, а также охраны окружающей среды: Management of Environmental Quality, Environment and Planning, Journal of Industrial Ecology, Environmental Science and Technology. Международный журнал «International Journal of Life Cycle Assessment» по проблемам благосостояния также включает в себя статьи по использованию метода «Затраты-Выпуск» в региональных исследованиях.

По количеству представленных в базах данных статей можно выделить три широкие категории: исследований: регионоведческие, экономические и экологические исследования. Большинство статей опубликовано в журналах, относящихся к области региональных исследований, далее следуют экономические журналы, а за ними — журналы, представляющие дисциплину экологических исследований. Пять статей нельзя отнести ни к одной из этих областей.

Статьи из области региональных исследований находятся в каждой категории выявленной типологии. Однако наиболее популярными являются две категории — методология и идентификация экономических структур. Это отражено в основных темах, встречающихся в литературе в этой области, а именно в различных методах оценки и оценках пространственных связей и отношений между регионами и / или секторами. Рассматривая средний год публикации, мы можем утверждать, что область региональных исследований имеет самый продолжительный опыт анализа «Затраты-Выпуск» на региональном (субнациональном) уровне. Статьи же по экономической тематике, так же как и экологическим исследованиям, в среднем встречаются на семь-восемь лет позже. Таким образом, мы можем предположить, что анализ «Затраты-Выпуск» является расширяющейся областью исследования..

Статьи из области экономики представлены в основном в трёх категориях — методология, идентификация экономических структур и анализ, ориентированный на политику. Основной темой данного направления исследований является оценка воздействия различных потрясений на показатели региональной экономики.

Статьи из журналов по экологическим исследованиям в значительной степени ориентированы на меры политики, уделяя особое внимание эффективному управлению природными ресурсами. Это направление исследований относительно хорошо зарекомендовало себя в Японии, в то время как анализ региональных исследований чаще всего фокусируется на Австралии, США и Китае.

Говоря о содержании представленных статей, можно, прежде всего, построить типологию основных типов исследовательских целей.

Следует выделить пять основных исследовательских подходов: преимущественно методологические исследования; анализ, ориентированный на разработку политических мер; исследования, направленные на выявление экономических структур; декомпозиционный анализ и обзоры разработок «затраты-выпуск». Эти категории не являются взаимоисключающими, поскольку в некоторых исследованиях могут сочетаться несколько разных исследовательских вопросов. Однако предлагаемая типология обеспечивает реальную и всеобъемлющую основу для более структурированного и углубленного обзора данной области.

Опишем кратко каждую из пяти групп.

Наиболее распространенным типом, встречающимся в исследуемой базе данных, являются методологические исследования. Основное внимание в них уделяется методам оценки, сравнению существующих методов или разработке новых подходов и корректировок. Проверяется обоснованность и надежность рассмотренных методов, а также их осуществимость, например, с точки зрения стоимости сбора данных. В большинстве случаев соответствующие методы применяются к реальным ситуациям и данным, но иногда вместо них используются гипотетические регионы и искусственно созданные данные.

Вторым по распространенности типом являются исследования, ориентированные на меры политики. В большинстве этих статей оценивается воздействие различных эндо- и эк-

зогенных изменений на региональные экономики, в то время как в остальной части этих работ исследуются связи между различными процессами и явлениями для того, чтобы предоставить доказательства для разного рода политических соображений и мер. Анализируемые потрясения включают, например, стихийные бедствия, макроэкономические тенденции, изменения условий торговли, а также программы государственных инвестиций. Если исследуются последствия потенциальных будущих изменений, часто представляются различные политические сценарии. Исследования, направленные на предоставление рекомендаций по более эффективному управлению, обычно касаются использования природных ресурсов или антропогенного воздействия на природную среду.

Третий вид исследований – более разнородный, чем описанные выше, – направлен на выявление и картографирование экономических структур. В нем рассматриваются преимущественно пространственные связи, торговые потоки, взаимосвязанность (и иерархия) регионов и петли обратной связи. Некоторые исследования явно сосредоточены на выявлении фундаментальных экономических структур в регионах с последующей оценкой взаимосвязей между структурными чертами и различными характеристиками экономических потоков. Обычно применяется целостный подход к изучению экономических структур, но есть некоторые исключения, например, исследование меняющейся роли строительного сектора в региональных экономиках.

Следующую группу в выделенной типологии составляет декомпозиционный анализ. В работах этого направления исследуются факторы, лежащие в основе различных показателей выпуска продукции, таких как производительность труда, выбросы CO₂ или экономический рост региона. Иногда фокус смещается с объемов производства на один из факторов, стоящих за ними, как это происходит в случае влияния внутреннего рынка на экспорт из производственного сектора.

Наконец, существует небольшая группа исследований обзорного характера, в которых рассматриваются разработки анализа «Затраты-Выпуск». В ряде из них обобщается национальный опыт, – например, голландский и канадский – в области использования субнациональных таблиц «Затраты-Ввыпуск». В других содержится более полный исторический обзор региональных анализов [2].

По результатам проекта Центра Европейских региональных исследований (EUROREG) следует выделить приоритетные темы исследований.

Самой часто встречающейся темой является проблема, связанная с исследованием различных аспектов отношений человека и окружающей среды, посвящённая, например, обращению с отходами, использованию водных ресурсов, выбросам загрязняющих веществ или экологической эффективности. Эти исследования обычно относятся к категории анализа, ориентированного на политические мероприятия, поскольку, раскрывая фактические пространственные связи и отраслевые взаимосвязи, они предоставляют доказательства для более эффективных политических ответных мер.

Одной из наиболее распространенных тем, встречающихся в статьях, является, как уже отмечалось, методология исследования. Среди этих исследований преобладает оценка региональных входных коэффициентов и множителей.

Продуктивность сельского хозяйства – следующая тема, рассматриваемая в проанализированных статьях. Один из подходов заключается в изучении влияния засухи на производительность этого сектора в различных регионах. При втором подходе основное внимание переключается на изучение влияния роста производительности в сельскохозяйственном секторе на состояние городских и сельских домохозяйств.

Кластерный анализ можно также определить как важную тему в исследуемых статьях. В ряде статей рассматривается применение качественного анализа «Затраты-Выпуск» для выявления промышленных кластеров в небольших регионах, например, Германии. В других статьях делается шаг вперёд и рассматривается, как используются выявленные кластеры для оценки их влияния на рост занятости. Следует отметить, что социальные вопросы всё более вовлекаются в проблемное поле исследований зарубежных учёных.

О возрастании роли гуманитарной составляющей свидетельствуют и исследования российских учёных, посвящённые анализу актуальности применения метода «Затраты-Выпуск» для оценки социально-экономических эффектов туристско-рекреационных территорий и инфраструктуры туризма. В них обосновывается необходимость исследования вклада туризма как драйвера экономического роста на базе представленной статистики на национальном и международном уровнях. При этом отмечаются такие проблемы, как: ограниченность статистической базы, недостаточная региональная детализация данных, необходимость совершенствования методологии исследований подобного рода [5].

Это подтверждают и результаты анализа междисциплинарных исследований в рамках таких научных сообществ, как Европейская Ассоциация экономистов – аграрников, Европейская Ассоциация региональной науки и других [6]. В них подчёркивается, что целью устойчивости развития современных социально-экономических систем является не только внедрение инновационных технологий и сохранение ресурсов экосистем, но, прежде всего, улучшение качества жизни населения, проживающего в разного рода регионах, в том числе сельских.

Заключение

Таким образом, возрастание публикационной активности и расширение проблемного поля исследований свидетельствуют о востребованности знания, связанного с использованием научного метода «Затраты-Выпуск» на международном уровне.

Наибольшее количество статей, содержащихся в базах данных Web of Science (WoS) и SCOPUS, представлены в журналах экономического и экологического профиля, Соответственно, самыми широкими категориями исследований являются регионоведческие, экономические и экологические.

По характеру исследований самыми популярными категориями являются методология и идентификация экономических структур, анализ различных методов оценки и оценки пространственных связей и отношений между регионами и секторами.

Тематическим ядром поля исследований развития агропродовольственных систем является проблема устойчивого развития. Акцентируется внимание на вопросах социального развития, обеспечения производства биологически ценных продуктов питания и сырья с минимальными издержками производства и максимальной безопасностью для здоровья человека и окружающей среды.

В исследованиях с использованием метода «Затраты-Выпуск» всё более преобладающей тенденцией становится стремление к синтезу знания, полученного в рамках отдельных научных дисциплин, формирование междисциплинарного знания и применения междисциплинарного подхода. При этом международные сообщества обращают внимание, что научные обзоры как вид исследований должен становиться более распространённым и значимым для выявления исследовательских трендов и определения перспектив развития научного метода «Затраты-Выпуск».

Список источников

1. Centre for European Regional and Local Studies (n.d.) *EUROREG*. Available at: <https://www.euroreg.uw.edu.pl/en/>.
2. Ploszaj, A., Celinska-Janowicz, D., Rok, J. and Zawainska, K. (2015) *Regional Input-output Studies: a Systematic Literature Review*, Centre for European Regional and Local Studies (EUROREG), University of Warsaw, Institute of Rural and Agricultural Development, Polish Academy of Sciences, Warsaw, 15 p.
3. International Input Output Association (n.d.) *IIOA*. Available at: <https://www.iioa.org/>.
4. *Economic Systems Research* (n.d.) Official journal of the International Input Output Association. Available at: <https://www.iioa.org/journal/journal.html>.
5. Ермакова А.С., Балев Н.Н. Актуальность применения метода «затраты-выпуск» для управления туристическими территориями и инфраструктурой // Материалы Всероссийской

научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики, права и социологии»: Ид-во :ООО «Издательский дом «Среда» — Челябинск, 2024. — С.55-58.

6. Фисенко Н.А. Проблема устойчивости агропродовольственных систем в современном дискурсе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2.

References

1. Centre for European Regional and Local Studies (n.d.) *EUROREG*. Available at: <https://www.euroreg.uw.edu.pl/en/>.

2. Ploszaj, A., Celinska-Janowicz, D., Rok, J. and Zawainska, K. (2015) *Regional Input-output Studies: a Systematic Literature Review*, Centre for European Regional and Local Studies (EUROREG), University of Warsaw, Institute of Rural and Agricultural Development, Polish Academy of Sciences, Warsaw, 15 p.

3. International Input Output Association (n.d.) *IIOA*. Available at: <https://www.iioa.org/>.

4. *Economic Systems Research* (n.d.) Official journal of the International Input Output Association. Available at: <https://www.iioa.org/journal/journal.html>.

5. Ermakova, A.S. and Balev, N.N. (2024) Relevance of applying the Input-Output method for managing tourist territories and infrastructure, in *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Current Issues of Economics, Law and Sociology"*, Chelyabinsk: Publishing House "Sreda" LLC, pp. 55–58.

6. Fisenko, N.A. (2022) The problem of sustainability of agri-food systems in contemporary discourse, *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*, no. 2.

Информация об авторе

Н.А. Фисенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института аграрных проблем – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук».

Information about the author

N.A. Fisenko – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 14.09.2026; принята к публикации 25.09.2026.

The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 14.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С. 66-70.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2026;(3):66-70.

Научная статья
УДК 316.35

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ПОПОЛНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Светлана Тлековна Дакирова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, dakirova-ne@mail.ru

Аннотация. В статье представлена оценка городской молодежи перспектив пополнения населения деревни за счет миграции людей из крупных мегаполисов. Раскрыты противоречия в ценностной структуре молодежи о факторах притяжения сельского образа жизни. Поставлен под вопрос метод единообразного измерения села с городом, что скрывает проблему специфики действия факторов, присущих только деревне.

Ключевые слова: сельская и городская молодежь, зумеры, миллениалы, выбор, миграция, фермерство, жизненные обстоятельства, возможность,

Для цитирования: Дакирова С.Т. Оценка перспектив пополнения населения деревни городской молодежью // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2026. № 3. С 66-70.

Original article

ASSESSING THE PROSPECTS FOR REPLENISHING THE VILLAGE POPULATION WITH URBAN YOUTH

Svetlana T. Dakirova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal
State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

Abstract. The article presents urban youth's assessment of the prospects for replenishing the village population through migration of people from large megacities. Contradictions in the value structure of young people concerning the attraction factors of the rural way of life are revealed. The method of uniform measurement of the village and the city is called into question, which obscures the problem of the specificity of the operation of factors inherent only in the village.

Keywords: rural and urban youth, zoomers, millennials, choice, migration, farming, life circumstances, opportunity.

For citation: Dakirova S.T. Assessing the prospects for replenishing the village population with urban youth. Regional Agrosystems: Economics and Sociology. 2026;(3): 66-70. (In Russ)

Введение

На протяжении многих десятилетий изучение различных механизмов, условий и социальных последствий человеческого выбора при построении жизненного пути проводилось в рамках психологии и философии.

В рамках теорий развития личности выбор определяется как одна из основных ее функций, а история личности понимается как история выборов [1]. Важным шагом в понимании мотивации жизненных выборов стало изучение роли ценностных оснований выбора и внутренней позиции личности с целью реализации собственного потенциала [2, 3].

В социологии основное внимание в изучении предпосылок выбора, причин и последствий уделяется на основе анализа решений в образовательной и профессиональной сфере [5,6].

В 30-х гг. XX века П. Сорокин предостерегал о том, что человек, «зажатый между двух эпох», когда «старые ценности рушатся, а новые еще не укрепились, теряется в дебрях дезинтегрированного чувственного мира и общества» [7]. Это утверждение вполне подходит и для нашего времени – условиям адаптации людей к жизни в условиях неустойчивости.

Цель исследования заключается в обосновании выбора городского или сельского образа жизни молодых людей в современных условиях.

Результаты исследования

В рамках исследования мы ставили перед собой задачу рассмотреть жизненный выбор молодых людей в реальных условиях. При каких обстоятельствах они могут изменить свою жизнь и насколько готовы измениться на определенном отрезке жизни. Попытаться ответить на вопросы: как часто человек сталкивается с ситуацией выбора, в какой степени осознает, какой тип выбора используется для принятия решений в разных сферах жизни. Эмпирической основой статьи стали результаты формализованного интервью с молодыми людьми на тему укоренения в сельской жизни. Ставился вопрос: «При каких условиях Вы поехали бы жить в современную деревню, если бы там были высокоскоростной интернет и какая-то серьезная компания?»

«Я бы поехал однозначно. Но тут влияет то, что я сам из деревни, прожил там всю сознательную жизнь, знаю все тонкости уклада. При условии стабильной работы и хотя бы малого развития» (молодой человек 32 г.).

«Поехала бы, да. Смена образа жизни. Это глоток свежего воздуха (в прямом и переносном смысле). Возможность выйти из дома и оказаться в лесу или у реки, а не в шумном дворе. В деревне можно иметь свой дом с большим участком, садом. Это дает простор для хобби, семьи и уединение» (девушка, 29 лет).

Казалось бы, все так просто: стоит переехать за город, и жизнь наладится сама собой, но в реальности картина совсем иная. Те, кто действительно прошел и попробовал этот путь, часто приходят к парадоксальному выводу: земля кормит не всех – и уж точно не так, как обещали воображение и романтические посты из социальных сетей.

В современной деревне экономика давно перестала строиться на сельском хозяйстве. Если внимательно присмотреться к жизни в деревне, то очевидным становится основным источником дохода. Многие семьи живут благодаря работе с постоянной занятостью, как в ближайших городах, так и удаленно: мужчины уезжают на стройки / заводы, нефтегазовые промыслы, работают водителями на маршрутных такси, охранниками и продавцами, а женщины работают в социальных учреждениях: школа, детские сады и больницы, а более «продвинутые» - ведут онлайн-бизнес. Сельская молодежь, уезжая зарабатывать, рассчитывает на стабильный заработок, и это не отказ от традиций – это расчет, и он абсолютно рационален.

Поэтому многие, переехавшие с идеей «жить землей», вскоре обнаруживают, что в сельской жизни много тупиков.

«Я бы, наверное, с радостью поехал в деревню, будь там такая же высокооплачиваемая работа по профессии, как в городе. Но на другую сторону весов встают друзья и родные, которых ты оставишь. Поэтому однозначного ответа дать не могу» (молодой человек 32 г.).

Прежде всего, деревня сильно проигрывает в образовательном процессе. И речь идет не только о школах (в городе можно выбрать свою школу, в деревне выбора нет), но и о дополнительном образовании. «Ребенок хочет танцевать современные танцы, а в деревне, в лучшем случае, народные, а то и их нет. Ребенок хочет рисовать, а изостудия только в планах.

Количество спортивных секций (даже платных) ограничено. И это еще в «продвинутых» селах. А есть такие, где ничего этого нет и в помине. Вот и едут молодые родители в город» (девушка, 30 лет).

Каждый человек самостоятельно развивает собственную индивидуальность. Взрослея, через свои решения, выборы и действия создает свою самобытность и то, кем он станет.

«Укорененность зависит от возраста - после 35-40, скорее всего, да. До этого момента хочется по максимуму воспользоваться возможностями, которые дает большой город. Возможность для карьерного роста, развиваться, оперативно решать вопросы. Очевидные проблемы больших городов и скорости жизни в них частично или полностью компенсируются молодым возрастом, количеством энергии и возможностями организма» (молодой человек 27 лет.).

Не было однозначного ответа на вопрос: «Как вы считаете, будущее за мегаполисами или за развитием малых территорий?»

«Будущее где-то посередине. Мегаполис не сдастся. Развивается. Но жить в них постоянно тяжело из-за стресса, поэтому будущее мегаполиса – за улучшением качества жизни. Малые территории также развиваются, им не обязательно быть в центре всего, для них главное - спокойствие, пространство и связь с природой» (девушка, 25 лет).

В настоящее время многие элементы культуры становятся доступными даже на удаленных от крупных населенных пунктов территориях. Современная деревня отличается от той, какой она была лет тридцать назад. Есть и интернет, магазины, маркетплейсы, во многих деревнях есть и фельдшерский пункт. Было время, когда в связи оптимизацией были закрыты ФАПы, но сейчас все постепенно возвращается. Особенная атмосфера малых городов и деревень, энергия и целеустремленность нынешней сельской молодежи меняет стереотипы. И в сельской местности можно быть успешным, медийным, востребованным, не теряя связи с корнями.

«На мой взгляд, в краткосрочной перспективе будет увеличение численности населения мегаполисов. Это подтверждается не один десяток лет и на текущий момент нет глобальных причин, что это может измениться. Развитие мегаполисов в какой-то момент достигнет критической точки, и в таком случае будущее, однозначно, будет за развитием малых территорий» (молодой человек 28 лет).

Перспектива пополнения населения деревень за счет городской молодежи в нынешних реалиях оценивается как умеренно позитивные, но неоднородные. Устойчивый тренд на рурализацию (переезд из города в село) наблюдается, однако, он сталкивается с серьезными структурными барьерами. Факторы, которые стимулируют приток молодежи: экономическая выгода и жилищный вопрос. Колоссальная разница в стоимости недвижимости. Основная масса опрошенных считают цены в городах несоразмерными качеству жизни. Полноценный дом в сельской местности стоит дешевле однокомнатной квартиры в городе. Это позволяет молодым семьям решить квартирный вопрос без ипотеки, за которую приходится рассчитываться многие годы. Некоторые молодые люди обращают внимание на психологическое здоровье, поскольку городская среда является источником постоянного стресса.

«Деревенский человек, живя в городе, никогда не станет городским, потому что у них ценности деревни сформировались с детства. Не потому ли в каждый выходной мы стремимся уехать туда, где тишь и благодать? Так сложилось, я не работаю по той специальности, которую получил после вуза, пришлось переучиться, производим стеклопакеты для фасадного остекления. В жизни не все так складывается гладко, как хотелось бы, а еще когда семья и дети, приходится крутиться, как белка в колесе» (девушка, 28 лет).

Трудовая траектория респондента представляет собой движение не только по пути специализации в рамках одной сферы, но и приобретение профессиональных навыков в другой сфере. Безусловно, такой подход не уникален, но здесь присутствует своя специфика. Разнообразие опыта и открытость к переменам позволяют приспособиться к изменяющимся условиям и получить ту деятельность, которая востребована «здесь и сейчас», а вместе с ней – семью, стабильный доход и материальный достаток.

В организациях корпоративно-долевого уклада занято не более 10-20% трудоспособных членов сельских сообществ. В пореформенный период сложились две новые формы жизнедеятельности сельского населения – фермерское хозяйство и самозанятость на базе личного подсобного хозяйства. Признаки каждой группы индивидуальны. Если сравнить доходы и образ жизни фермеров с другими социальными группами, то нынешние фермеры являются единственной социальной группой села, которые полноправно претендуют на статус особого класса в социоструктурном измерении. Среди них 60,5% лиц старше 46 лет, а удельный вес молодежи до 35 лет минимален – 9,2% при средней по выборке 16,1%. Фермеры также характеризуется высоким уровнем образования - в их составе около 51,9% лиц с высшим образованием (данные прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 году, объектом исследования являлись жители сельских поселений Саратовской области (N=1215)).

Заключение

На укорененность молодых людей влияют несколько факторов. Город значительно превзошел уровень культурных возможностей последнего этапа советской реальности. На селе же ухудшились мотивы возможности по всем направлениям: по жизнеобеспеченности работой, по развитию школьной и культпросвет инфраструктуры. То есть село, особенно молодежь, погружена не в местную сельскую культуру, а вне села, в так называемую дополнительную социальность. Небольшая часть респондентов делают ставку на более спокойную, уединенную обстановку, а не ментального благополучия. Пандемия сформировала привычку работать дистанционно. Надо отметить изменение образа жизни. Тренд на экологичность, фермерство (агростайп) и эстетика загородной жизни (коттеджкор, избинг) делает деревню модным выбором для зумеров и миллениалов.

Таким образом, можно выделить следующие риски и ограничения:

- инфраструктурный разрыв. Несмотря на наличие государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», базовая инфраструктура остается слабым местом. Отсутствие медицинской помощи, средних школ и транспортной доступности - все эти факторы становятся камнем преткновения. Скоростной интернет является доступным не везде, что критично для удаленной работы;

- рынок труда. Деревня по-прежнему воспринимается как территория выживания, а не самореализации. Как показывает исследование, молодежь готова вернуться после вуза при наличии достойной заработной платы и помощи с жильем;

- социальная среда. Переселенцам из городов часто не хватает культурной инфраструктуры и разнообразного досуга. В этой связи перспективной является формирование нового типа поселений – агроковоркинги и экопоселения, где молодые специалисты создают свои рабочие места (сыроварни, ремесленные и гончарные мастерские, и тд.);

- роль образа успешного переселенца. Анализ показывает, что сельская местность по-прежнему не случайными людьми, а представителями определенных групп: специалисты на стабильном удаленном доходе, предприниматели в сфере локальной экономики (гастротуризм, переработка сельхозпродукции, ремесла), семьи с детьми, для которых приоритетом являются экология и безопасность пространства;

Таким образом, в краткосрочной перспективе ожидать массового потока молодежи из городов не стоит. Миграция будет носить точечный характер, концентрируясь вокруг экономически активных пригородов, крупных агломераций. Качество этого притока выше, чем демографические показатели прошлых лет, поскольку в села едут люди с капиталом, образованием и готовностью создавать новые экономические цепочки.

Переломным фактором станет появление в регионах качественных сервисных рабочих мест (многие из тех, что не связаны с физическим трудом), которые смогут удержать специалистов старых и новых профессий.

Список источников

1. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд.). М.: Наука, 1979.
2. Feather N. T. (1992) Values, Valences, Expectations, and Actions. *Journal of Social Issues*. Vol. 48. №. 2. P. 109 - 24.
3. Филоник М. С. Ценностные основания личностно значимого выбора: анализ случая // Консультативная психология и психотерапия. 2011. Т. 19. № 1. С. 156 – 180.
4. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М.: Мысль, 1975.
5. Шубкин В. Н. Начало пути: Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979.
6. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя». Социологическое исследование. М.: ИС РАН, 2011.
7. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

References

1. Porshnev, B.F. (1979) Social psychology and history. 2nd edn. Moscow: Nauka. (In Russ)
2. Feather, N.T. (1992) Values, valences, expectations, and actions, *Journal of Social Issues*, 48(2), pp. 109–124.
3. Filonik, M.S. (2011) Value foundations of personally significant choice: a case study, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 19(1), pp. 156–180. (In Russ)
4. Titma, M.Kh. (1975) Choice of profession as a social problem (based on concrete studies in the Estonian SSR). Moscow: Mysl. (In Russ)
5. Shubkin, V.N. (1979) The beginning of the road: Problems of youth in the mirror of sociology and literature. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ)
6. Konstantinovskiy, D.L., Voznesenskaya, E.D., Cherednichenko, G.A. and Khokhlushkina, F.A. (2011) Life trajectories of youth: 10 years later. *Sociological research*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ)
7. Sorokin, P.A. (1997) Main trends of our time. Moscow: Nauka. (In Russ)

Информация об авторе

С.Т. Дакирова – младший научный сотрудник, Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»

Information about the author

S.T. Dakirova – younger researcher, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 10.09.2026; одобрена после рецензирования 15.09.2026; принята к публикации 25.09.2026 г.

The article was submitted 10.09.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 25.09.2026.